

И. Я. Медведева, Т. Л. Шишова

Воспитание без ошибок. Книга для трудных родителей

ВСТУПЛЕНИЕ

Как вы помните, "Анна Каренина" начинается с афоризма: "Все счастливые семьи похожи друг на друга; каждая несчастливая семья несчастна по-своему". Так можно сказать и про детей: все хорошие, послушные дети хороши одинаково, но каждый трудный ребенок труден по-своему. И действительно, один упрям, другой ленив, третий груб, четвертый застенчив... Вот только вопрос один и тот же задают матери:

- И почему он такой? Не знаю.

Не знает мать трудного ребенка, как правило, и что с ним делать.

Вроде бы очевидно: если ребенок ленивый - надо его сделать трудолюбивым. Если упрямый - сговорчивым. Если жадный - добрым. Одним словом, плохого сделать хорошим. Итак, цель ясна! Правда, непонятно, как ее достичь... Трудно с ними, с этими трудными детьми. Уговариваешь - не слушаются, повышаешь голос - не реагируют, накричишь - расплачутся... ну а физические наказания - это не приведи Господь, это непедагогично!

А тут, как на грех, жизнь пошла такая, что не только шлепнуть, а побить иногда хочется. Тоталитарное прошлое позорно, демократическое настоящее какое-то ненастоящее, светлое будущее... светлое будущее, по уверениям наших экспертов, вообще сплошной мрак: цены будут расти, а курс рубля падать, вырастет заболеваемость СПИДом, и упадет рождаемость, рост спекуляции приведет к спаду производства, а рост преступности - к окончательному падению культуры. (Кто ж вечером пойдет в театр? - Страшно...) Короче, всякая пакость будет только расти, а хорошее падать.

Вырисовывается какая-то мистическая картина вселенского зла, а ты внутри этого "мирового зла" уже не маленькая планетарная система со своим пусть маленьким, но порядком, а хаотическая броуновская частица, которая растерянно тычется куда попало во внезапно рухнувшем, распавшемся на атомы обществе.

Срочно надо заработать деньги, срочно их потратить, срочно что-то купить, и не что-то, а буквально все, ведь завтра ВСЕ ОПЯТЬ ПОДОРОЖАЕТ!

Это и есть ситуация постоянного стресса. Вся жизнь - сплошное потрясение, сплошная трясучка... А тут еще ребенок... До чего не ко времени, до чего неуместен!

Но ведь он не просил его рожать. Он не виноват, что вы решили произвести его на свет ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС. И он не обязан за это отвечать. Невоспитанный, упрямый, ленивый, капризный - трудный... Ну что с ним делать?!

А с вами?! С вами что делать - мрачными, раздражительными, усталыми, безразличными, всегда спешащими и всегда занятыми? Что вашему ребенку делать с вами? Чем защититься от вашего хронического недовольства жизнью?

В наших очертках мы, конечно же, будем говорить о детях. Но дети - это, выражаясь языком математики, производная. Производная от вас, потому что на свет их произвели вы.

И о вас мы будем говорить, может быть, даже больше, чем о детях. Ведь что греха таить, тон отношений в семье задают все-таки родители, а не дети. И даже если ребенок-тиран, а родители - его покорные рабы, это ОНИ позволили, ОНИ допустили такую расстановку сил!

В общем, мы хотим помочь родителям, которым нелегко дается воспитание детей, которые с трудом выстраивают свои отношения с ними. Поэтому книгу свою мы так и решили назвать:

КНИГА ДЛЯ ТРУДНЫХ РОДИТЕЛЕЙ

НЕ ПРОСИ ГРУШ У ТОПОЛЯ

Как часто будущие родители не только заранее покупают чепчики, распашонки и придумывают имя своему наследнику, но и творят его образ, сочиняют биографию!

- У него будут такие же густые и длинные ресницы, как у тебя, - говорит жена.

- Но чтобы синеглазый был, как ты! - продолжает муж. - И вообще пусть будет девочка, Аленка.

- Ты хочешь девочку? - удивляется жена. - Ну, так и быть. Пусть будет девочка. Но чтоб с твоим волевым характером!

- И с твоим нежным голосом, - завершает картину муж.

Это в случае семейной идиллии.

А бывает и по-другому. Женщина, оставшись одна и все же решившись иметь ребенка, сквозь злые слезы обращается к своему будущему сыну:

- Ничего, проживем! Он еще пожалеет! Он придет, будет умолять о прощении, а ты закроешь перед ним дверь!.. Или нет, не так... Мы идем по улице, ты держишь меня под руку, а я еле достаю тебе до плеча. А он идет навстречу: старый, никому не нужный, ободранный... Видит меня и спрашивает: "Кто это?" А я говорю: "Сын". - "Наш сын?" - "Нет, МОЙ сын!" И мы проходим, не оглянувшись...

Почему-то в этих мстительных картинах обязательно фигурирует сын. И обязательно, не успев родиться, уже юноша. И обязательно высокий и широкоплечий. Этаким рыцарь Ланцелот или - если быть в духе времени - Арнольд.

Но наступает долгожданный день, и рождается... девочка. Да еще некрасивая, да еще с астматическими приступами. И с очень тяжелым характером.

И воздушный замок с множеством бойниц рушится в одночасье. А неожиданная девочка так никогда и не поймет, почему она вместо любви вызывает у своей матери смесь жалости и раздражения.

Ребенок растет, и раздражение растет. Казалось бы, в чем дело? Ведь заботишься о нем - и вроде бы привыкаешь, привязываешься... Это с одной стороны. А с другой, он растет, и картина

становится все более отчетливой. Картина рокового несовпадения реальности и той, давней мечты...

И начинается работа по переделке. Ну, девочка - это еще ладно, тут ничего не попишешь. Цвет глаз тоже не поменять. Но уж тогда пусть будет балериной! Меня в свое время не приняли, сказали "ноги коротковаты". А она должна!

Интересная подробность: сокрушаясь, что дочь не унаследовала нужного цвета глаз, мать не замечает, что дочь как раз унаследовала мало пригодные для балета коротковатые ноги.

"Что же касается лепки характера, то это и вовсе не принято подвергать сомнению. Ребенок-воск, глина, чистый лист, и что там еще полагается говорить в подобных случаях... Однако "воск" и "глина" оказываются вовсе не такими послушными! И упорное "сопротивление материала" окончательно выводит из себя.

Вот тут и произносится сакраментальная фраза:

- Он (или она) не оправдал моих надежд!

И это не просто горестное признание. Это приговор, который обжалованию не подлежит. А раз так, раз "не оправдал надежд", значит - все дозволено! Можно попрекать ребенка своей загубленной жизнью. Можно все время ставить в пример мальчика из соседней квартиры или более "удавшегося" младшего брата. Можно в присутствии ребенка жаловаться на него подругам или даже таскать его по врачам и экстрасенсам. "Доктор, сделайте что-нибудь! Он какой-то не такой... Слишком тихий (или слишком назойливый), слишком вертлявый (слишком медлительный) и т.д." А за словами "какой-то не такой" скрывается застарелая претензия: Н Е ТАКОЙ, КАК Я ХОЧУ!!! Я, создатель, творец собственного ребенка!..

Но, во-первых, стоит ли отнимать роль творца у Творца? А во-вторых, даже если вы, будучи атеистом, считаете творцом себя, и только себя, то почему вы предъявляете претензии к своему творению? Разве оно виновато в промахах творца? Конечно, бывает, что художник в ярости уродует неудавшуюся картину, но он просто вымещает на ней зло за свою неудачу.

Если же вернуться к Творцу, то он, создав зайца, не заставил его охотиться на волка. Да и мы, кстати, не ждем этого от трусишки косоного.

Прежде чем перекраивать детский характер, давайте посмотрим на исходный материал. Ведь если мы возьмемся, к примеру, перешивать брюки, то нам из узких уже никак не выкроить брюки клеш.

У каждого человека есть свои ресурсы, возможности, и они не безграничны. Их сочетание, их соотношение во многом уже определено с самого начала, с первых месяцев жизни ребенка. И задача родителей - как можно скорее определить главные, доминантные черты его характера.

Это, конечно, - не значит, что родители не должны воспитывать своих детей. Безусловно, в ребенке можно что-то развить, а что-то сгладить, облагородить, сделать менее заметным. Только - "не проси груш у тополя", как гласит испанская пословица. Ведь проси не проси, груш все равно не дождешься, а силы, потраченные на бессмысленные притязания, лучше бы употребить на другое. Тополь может вырасти чахлым и кривым, а позаботишься о нем умело - станет стройным красавцем. Так и человек. Озорник, сколько его ни ругай и ни наказывай, все равно не превратится в паиньку. Но от вас зависит, вырастет он хулиганом, а то и уголовником, или станет предприимчивым организатором нового дела, а на досуге - душой компании. Застенчивый же человек душой компании, как ни старайся, все равно не будет, но опять же от вас зависит, вырастет он букой и мизантропом или все-таки научится общаться с людьми, и никто про него не скажет: "Пыльным мешком стукнутый". Застенчивость (недостаток) уже будет восприниматься как скромность (достоинство).

Между прочим, даже столь популярные сейчас астрологи различают три типа людей, родившихся под одним и тем же знаком Зодиака: низший, средний и высший. В низшем недостатки выпирают настолько, что превращаются в пороки.

Можно сказать, что правильное воспитание - это повышение уровня данной личности. Мы называем это ПСИХОЭЛЕВАЦИЕЙ, возвышением души ("elevare" по-латыни - подниматься,

восходить). Работая с детьми, помогая им справляться с разными психологическими трудностями, мы никогда не стремимся ИСКОРЕНИТЬ недостаток. И даже считаем это опасным!

Сколько уже понаписано о природных катастрофах, к которым приводит самое, на первый взгляд, незначительное нарушение экологии! Малую букашку извели - целый лес погубили. Что же тогда говорить о человеке, самом сложном, самом утонченном творении Бога или Природы?! Не искоренять нужно, а корректировать, преображать и, в конечном итоге, обращать недостаток в достоинство! И тогда упрямец станет упорным, выскочка - лидером, а жадный - бережливым.

- Вашими бы устами да мед пить, - скажут родители. - Все это замечательно. Но как?

Мы постараемся дальше постепенно ответить на сакраментальный вопрос "как?". Естественно, это будет наш личный взгляд на проблемы воспитания. Правда, опыт общения с родителями трудных детей (от 4 до 15 лет) дает нам основание думать, что наш взгляд небезоснователен.

Беседы с родителями мы, как правило, начинаем с разговора о природной конституции ребенка. Еще раз повторяем, что ее надо постараться осознать, даже если такое осознание не принесет вам особой радости. И очень может быть, что уже одно это снимет основные трудности, возникающие у вас при общении с ребенком.

Однажды к нам пришел хрупкий большеглазый мальчик, очень похожий на короля Матиуша или на юного аристократа с полотен английских художников XIX века. Он был очень неуверен в себе, много боялся и даже в свои двенадцать лет ни на минуту не оставался дома один. Мама, обратившаяся к нам с жалобами на его странности, уже одним своим видом резко с ним контрастировала. Большая, шумная, бойкая, она неустанно твердила, что не понимает, откуда у нее такой ребенок, ведь его погибший в авиакатастрофе отец был смельчак, герой, легчик-испытатель. Рано овдовев, эта женщина только и утешала себя тем, что мальчик повторит своего отца. А он не повторил ни внешне, ни внутренне, и любовь к сыну - которую мы не подвергли сомнению - боролась в ее душе с возмущением и даже легким презрением к этому немужественному характеру. Долго и разными способами мы старались дать ей понять, что Толя Б. - такой, какой он есть - тоже достоин уважения и даже гордости. К счастью, в конце концов нам это удалось. А мальчик именно тогда, когда от него перестали ждать непосильного для него суперменства, преодолел свои страхи. "И теперь не только остается дома один, но и ходит с ребятами в сложные походы с ночевками, о чем мама, конечно, даже мечтать не могла.

Но бывают случаи, когда чуждость ребенка вызывает такую неприязнь, что в эту чуждость и не хочется вникать. У нас принято много говорить о слепой материнской любви и совсем не принято о неприязни. Вернее, принято, но скорее в криминальном, а не в психологическом аспекте. Перед мысленным взором сразу предстает злодейка, которую с позором лишают родительских прав. Однако в жизни это встречается гораздо чаще, и далеко не всегда сопряжено со злодейством. Бывают случаи психологической несовместимости. Бывает, что ребенок - "копия отца", а отец бросил. А бывает, ребенок помешал личному счастью. Да мало ли что в жизни бывает?!

И, как правило, родители (особенно мать) стесняются даже себе сказать правду. Или говорят, но с каким-то истерическим отчаянием: "Да, не люблю, но ни-че-го не могу с собой поделаться!" И в доказательство приводят поговорку: "Насильно мил не будешь".

Не любить своего ребенка - большая беда. Не побороться со своей нелюбовью - огромная, страшная вина. Встает все тот же вопрос: что делать? Не зная людей, не зная обстоятельств, заочно советовать что-то конкретное трудно и все-таки...

Мы в своей работе постоянно используем разнообразные театральные приемы, в том числе и этюды. Родителям, которые никак не могут полюбить своих детей, можно посоветовать мысленно проиграть такой этюд (нет-нет, не бойтесь, это не требует выдающихся актерских способностей!). Представьте себе, что вы - ребенок. И не абстрактный, а вполне конкретный.

Ваш собственный. Вас не любит мама (или папа, или оба). А родители для вас - это весь мир, ибо весь мир ребенка замыкается на родителях. И этот мир оказался перевернут. Все в нем не так! Ударившись, вы вместо утешения слышите насмешку. Вам страшно, вы плачете, а вас обзывают трусом. Вы вбегаете в комнату, чтобы поделиться радостью - и наталкиваетесь на раздраженное: "Отстань, уйди! Ты что, не видишь? Я с тетей Леной разговариваю!"

И в этом перевернутом мире вы в конце концов тоже становитесь "мальчиком наоборот": не вовремя смеетесь, не к месту кривляетесь, пристааете ко взрослым именно тогда, когда их надо оставить в покое... Хорошо еще, если у вас от природы веселый характер. Тогда вы думаете: "Надо же, все меня любят, только мама не любит!" А если характер меланхоличный? В таком случае вас буквально изводит, ржавчиной разъедает мысль: "НИКТО меня не любит, ДАЖЕ МАМА!.." И вы себя такого уже не любите! И изводите этой нелюбовью.

Проиграйте (хотя бы мысленно) несколько таких конкретных ситуаций. Только не забудьте, что вы в роли ребенка. А ложась спать, повторяйте хотя бы неделю подряд: "Я - Миша (Коля, Света). Я совсем один. Все меня обижают. Я никому не нужен, со мной можно сделать все, что угодно, потому что меня никто не любит".

И вообще почаще думайте о том, что детей - всех, даже самых благополучных и самых любимых! - очень жалко. Жалко потому, что неизвестно, какая им уготована судьба. И потому, что они когда-нибудь умрут. И потому, что им скорее всего долго-долго придется жить без вас.

ЛАВРЫ В КРЕДИТ

Перед началом занятий с детьми мы всегда просим родителей заполнить специальные анкеты. В этих анкетах, в частности, есть вопрос: "Часто ли вы говорите ребенку, что он - красавец, богатырь, талант и т. п.?" Вначале мы удивлялись, а теперь уже привыкли, что на этот вопрос отвечают, как правило, отрицательно или полуотрицательно, например:

"Нет, не часто. Хвалим, но в меру. Хвалим только за дело". Интересно, что на следующий наш вопрос:

"Как ребенок на это реагирует?" - почти неизменно следует ответ: "Очень любит. Радует. Счастлив, когда его хвалят".

То есть получается, что родители знают, видят, как ребенок жаждет похвалы, но удовлетворить эту жажду не торопятся. Почему?

- Ну как же?! - отвечают родители. - Захвалишь - он нос задерет. Или:

- Чего хвалить, когда хвалить не за что! Или:

- Он же прекрасно знает, что это неправда. Ребенок очень даже чувствует ложь!

И мы уже привыкли к недоумению мам и пап, когда они слышат от нас, что детей надо не просто хвалить, а хвалить часто, преувеличенно и далеко не всегда за дело.

- Но мы читали и слышали совсем другое! - возражают они.

- А вы попробуйте, - говорим мы. - Попробуйте - и увидите сами.

Действительно, в наших словах много на первый взгляд спорного и непривычного. Общепринятая точка зрения сводится к тому, что часто хвалить не следует, преувеличенно - тем более, а уж на пустом месте - это и вовсе нонсенс. Даже если девочка на самом деле красивая и вежливые гости восклицают:

"Ой, какая красавица!" - польщенная мать тем не менее обрывает восторги словами: "Не надо при ребенке, это непедагогично". Зато считается вполне педагогичным как можно чаще и как можно подробней указывать ребенку на его недостатки, дурные привычки, неудачи. Конечно, с благой целью (кто спорит?): чтобы он исправил недостатки, избавился от дурных привычек.

А теперь постарайтесь вспомнить: вам, взрослым людям, хочется исправиться, когда вам, пусть даже несправедливо, указывают на ваши дурные свойства? Или, может, вам скорее хочется соответствовать не очень справедливой, но похвале?

При этом никому не придет в голову отрицать, что женщина чахнет, меркнет, увядает без комплиментов. А умная жена никогда не забудет и наедине, и на людях лишний раз похвалить своего далеко не идеального мужа за его золотые руки, светлую голову или невиданную храбрость. Глупая же будет, как попугай, твердить с утра до ночи о его бездарности и лени, а потом удивляться, что он запил, ходит на сторону или вообще ушел из дому.

И это взрослые люди, у которых уже сформировалась самооценка! Что же говорить о ребенке?! Ведь у него еще нет или почти нет опыта самоутверждения: он не держал экзамены, не получал прибавку к зарплате за хорошую работу, к нему не обращались за советом как к прекрасному специалисту. И, наконец, ему еще никогда никто не объяснялся в любви.

Ребенок, пока не знающий себя и своих возможностей, в гораздо большей степени, чем взрослый, зависит от оценки окружающих. Может, поэтому дети так любят почетные грамоты, вымпелы, значки и премии? Такие знаки отличия дают им осязаемое, реальное подтверждение их состоятельности, стимулируют к новым достижениям. (И не надо думать, что это свойство только наших детей. Ничего подобного. В популярном сейчас американском мультсериале "Утиные истории" маленькая утка Поночка очень переживает, что у племянников дяди Скруджа много почетных значков, а у нее только один, да и тот за плавание.)

Что же касается уличений и обличений, их лучше свести к минимуму. Ребенку, безусловно, труднее будет справиться со своей ленью, если он каждый день слышит, что он ленивый. Каждый день, да еще сто раз на дню! Получается, что лень - это его хроническое состояние, ДЕФЕКТ. И призывать его трудиться так же бесперспективно и в каком-то смысле бестактно, как, например, призывать одноглазого смотреть в оба.

Более того, не забывайте, что "называть" и "обзывать" - однокоренные слова. Вы думаете, что называете недостаток, говоря "лентяй", а ребенок слышит в этом оскорбление! Один трехлетний мальчик на упрек своей мамы: "Ай-ай-ай, все игрушки на полу! Разве можно быть таким неряхой?" - обиженно воскликнул: "Зачем ты меня дразнишь?"

Срывание всех и всяческих масок - вообще, занятие далеко не всегда благородное и всегда неблагодарное. Мы, работая с детьми, разрешаем им даже физически закрыть лица картонными масками или спрятаться за театральную ширму.

Если вы желаете добра своему ребенку, помогите ему построить защитную маску. Пусть она будет из добротных материалов, то есть его достоинств. Иначе он эту маску может слепить сам, и уж тогда не взыщите, если она будет из чего попало. Например, природную застенчивость он замаскирует грубостью, а не умением обаятельно улыбаться (чему вы его можете научить, говоря, что у него красивые зубы, очаровательные ямочки на щеках и т. п.).

Защитную маску ни в коем случае не надо путать с маской лицемерия. В конце концов, все люди носят те или иные маски. Начиная с косметики, которая призвана подчеркивать природные достоинства лица и скрывать природные недостатки, и кончая социальными ролями и играми, в которые вовлечено все человечество (см. книги Эрика Берна "Игры, в которые играют люди" и "Люди, которые играют в игры").

В своей работе мы уже не раз сталкивались с тем, что самые сложные дети внешне кажутся наиболее благополучными, и нам приходится долго гадать, где же собака зарыта. Такие дети, как правило, вырабатывают, не дождавшись умной помощи от родителей, свою, патологическую форму защиты, и уже приросшую к их коже маску гораздо труднее заменить на другую, украшающую, а не деформирующую личность.

Это тесно связано с темой предыдущей главы, "Не проси груш у тополя". Поняв особенности психофизической конституции ребенка, подчеркивайте в нем его реальные достоинства! А то иногда дело доходит до абсурда. Мама Володи Т., мальчика, который все свободное время тратил на чтение (мечта стольких родителей!), интересовался историей, философией и даже богословием, говорила о его увлечениях с презрительной усмешкой, считая их чепухой и дурью. И напротив, требовала, чтобы мальчик все свободное время посвящал алгебре, которую он ненавидел. Мама была программистом, и у нее не укладывалось в голове,

как это ее сын не в состоянии решить несложную алгебраическую задачу! В результате у мальчика развился целый комплекс невротических реакций. Он, от природы добродушный и кроткий, страдал вспышками агрессии, грубил, ломал предметы, ненавидел окружающих, скандалил с домашними и даже поговаривал о самоубийстве. Алгебры он, естественно, так и не осилил.

На занятиях мы, конечно же, в первую очередь обратили внимание детей и родителей (и прежде всего Володиной мамы!) на Володины филологические способности. Мы восхищались его не по годам обширными философскими знаниями. Часто при всех спрашивали его мнения по тому или иному гуманитарному вопросу. И даже просили принести почитать книги, которые мы якобы без его помощи никогда бы не достали. Сначала он, привыкший, что его именно за это всегда обливают презрением, реагировал на наши похвалы подозрительно, настороженно, почти враждебно. Постепенно нам удалось завоевать его доверие, и мальчик на глазах стал преображаться. А уж когда Володина мама, вняв нашим уговорам, заявила ему, что без алгебры вполне можно прожить, и разрешила ему больше не напрягаться, мальчик отреагировал на первый взгляд парадоксально: сел и самостоятельно решил задачу, над которой они с мамой бились два дня! Снялось напряжение, исчез невротический страх неудачи, и выяснилось, что он хоть и не Лобачевский, но алгебра вполне Володе по уму.

И тут мы подходим к самому, пожалуй, сложному аспекту этой главы. Дело в том, что Карамзиным и Кантом Володя тоже не был, его безусловные гуманитарные интересы не носили яркого творческого характера. И наши похвалы были не просто преувеличены, а КРАЙНЕ преувеличены. И мы совсем не уверены, что он станет известным филологом или историком. Но мы уверены, что человеку очень полезно "выдавать лавры в кредит". Это все равно как машину сначала надо хорошенько заправить бензином, а потом пускаться в путь. Так не жалейте "бензина", расточая ребенку похвалы! Без этого горючего он далеко не уедет...

Ну, хорошо, в случае с Володей еще было за что уцепиться. Но хвалить на пустом месте?! Это, казалось бы, сущий вздор! Да, иногда вздор, а иногда остроумный педагогический прием. Вот, например, ваш сын-трус. Особенно он боится ходить по темным улицам. Сказать ему, что он - храбрец? Уж больно неправдоподобно, не поверит. Но если мама идет со своим сыном по темной улице, крепко держа его за руку, и при этом говорит: "Ты знаешь, когда я с тобой, я ничего не боюсь" - есть надежда на благие перемены. Конечно, это не единственное, что надо делать в таких случаях, но В ТОМ ЧИСЛЕ И ЭТО очень полезно!

Пожалуй, тут мы решимся рассказать не совсем приличный анекдот. Рассеянный космонавт забыл свои позывные и сигнализирует об этом в центр управления полетами.

- Земля! Земля! Кто я?.. Земля! Земля! Кто я? А ему отвечают:

- Дурак! Ты - "Сокол"!

Наверное, лучше наш воспитательный принцип не сформулируешь.

Это не значит, что ребенка нужно только хвалить и ни в коем случае не делать замечаний. Обязательно делайте замечания, без этого тоже нет воспитания. Но важны дозировка и форма. Можно сказать:

- Ай-ай-ай, какой ты неряха! Опять разбросал игрушки.

А можно и по-другому:

- Какой же ты прекрасный дворец построил! Как настоящий архитектор! Вот если ты еще и конструктор соберешь в коробку - я буду счастлива.

Помните, в слове заключается не только информационный, и не только эмоциональный смысл. Слово обладает магической силой. Оно творит ту или иную реальность. Общеизвестен пример с гипнозом: загипнотизированному говорят, что дотронутся сейчас до его спины раскаленным железом, а дотрагиваются пальцем. Но на его коже вскакивает волдырь, как от сильного ожога.

Влияние родителей на ребенка вполне сопоставимо с властью гипнотизера. Ребенка же, в свою очередь, можно сравнить с домом, в котором много-много окон. Какое свойство будешь

выкликать - такое и выглядит. Не уставайте же выкликать доброе и не будьте лишними криками дурное!

ОДНА РУКА КАРАЕТ, ДРУГАЯ МИЛУЕТ

Не сложилось ли у вас впечатление, что как бы ребенок ни стоял на голове, его все равно нужно превозносить до небес?

Нет, конечно же, невозможно вырастить ребенка без замечаний, запретов и наказаний. И родительская любовь меньше всего похожа на рассеянное умиление старичка-добрячка, которого умиляет буквально все, лишь бы перед глазами мелькала и согревала старческую кровь чья-то юная жизнь, чье-то СУЩЕСТВОВАНИЕ.

Сколько таких картин сразу всплывает перед глазами! Девочка пришла в гости к людям, которые специально для нее купили на рынке дорогой виноград. Она разбрасывает виноградины по полу, а родители, будто не замечая ужаса на лицах хозяев, растроганно смеются...

Или наоборот, хозяйский сын влетает в комнату, где полным-полно взрослых и даже пожилых людей, и бесцеремонно заявляет:

- Ребята! Хватит болтать глупости! Пошли ко мне в комнату, я покажу вам мою новую машину!

А мать вместо того чтобы сделать ему хотя бы замечание, еще и рассказывает потом знакомым, какой у нее бойкий и не по годам развитый мальчик: вот так, запросто, обращается со взрослыми!

- Он у меня без комплексов, - добавляет она. - А это главное. Счастливее будет.

То есть, говоря попросту: пусть вырастет эгоистом, хамом, зверем, лишь бы был счастлив.

Родители, которые рассуждают подобным образом, заблуждаются как минимум трижды. Во-первых, их беззаветная родительская любовь вряд ли выдержит проверку временем: им очень трудно будет любить ПОДРОСШЕГО зверя. Во-вторых, из уютного семейного круга ребенок очень быстро попадает в тот мир, где нет всепрощающих родителей: в сад, школу, а потом дальше... И везде его будут ненавидеть. А может ли быть счастлив человек, окруженный ненавистью?.. И наконец, самое главное и самое на первый взгляд удивительное. Ребенок, которому все позволено, НЕСЧАСТЛИВ ДАЖЕ В ДЕТСТВЕ! Вроде бы парадокс, но это так. Понаблюдайте за избалованным ребенком. Он то и дело капризничает, то и дело меняет и наращивает требования. Будто бы нарочно нарываясь на отказ. У нас такое впечатление, что ребенок подсознательно ищет грань дозволенного, на которую ему не указывают родители. И очень нервничает, так как для него это непосильная задача. А в безграничном, бесформенном пространстве вседозволенности, где нет никаких ориентиров и поэтому не за что зацепиться, ему страшно неуютно.

Вы скажете: совсем заморочили голову! То ребенка надо с утра до ночи хвалить, то необходимо наказывать... Чему же верить?

Постараемся объяснить. Вы хвалите ребенка, давая ему понять, что он все ближе и ближе к желаемому совершенству. Вы делаете ему замечание, ругаете или наказываете, как бы демонстрируя, что вы потрясены его отходом от совершенства. Ребенок должен чувствовать: вы сердитесь не потому, что он плохой, КАК ВСЕГДА, а потому что он, такой чудесный, умный, смелый и т. п., ВДРУГ поразил вас несоответствием своему всегдашнему облику.

Если ваш ребенок не терпит критики, болезненно реагирует на замечания, очень советуем задуматься: а достаточно ли часто вы его хвалите, ласкаете, возвышаете в его собственных глазах? Обычно на это возражают:

- Что вы?! Он у нас захвален, заласкан.

А мы отвечаем, что у каждого человека не только своя норма потребления сахара или степень утомляемости, но и своя, индивидуальная потребность в поощрении. В данном случае не сравнивайте с собой. Возраст человека часто обратно пропорционален потребности в ласке.

Но вернемся к наказаниям. Беседуя с родителями, мы многократно убеждались в том, что в вопросе наказаний существует опасная путаница, и связана она с грубым нарушением иерархии наказаний. Практически никто не сомневается в том, что нет ничего страшнее телесных наказаний. Дескать, до ребенка нельзя и пальцем дотронуться. Зато с ним можно целый день не разговаривать. И хотя наше мнение по этому вопросу идет вразрез с общепринятым, осмелимся все же утверждать: нет безобиднее наказания, чем искренний шлепок, и нет кары страшнее, чем обдуманый, методичный бойкот. Естественно, мы не призываем хлестать ребенка розгами или "оттягивать" ременной пряжкой. И пощечина очень оскорбительное, а потому неприемлемое наказание. Но шлепнуть ребенка по попе или ЛЕГОНЬКО (!) по губам, если он грубит и сквернословит, - это, как принято говорить, "святое дело".

Разумеется, каждому овощу - свое время. И пользоваться этим лучше всего в раннем детстве, когда ребенок еще мало понимает слова. Тогда годам к четырем-пяти в большинстве случаев достаточно лишь сказать строгим голосом:

- Ну что, тебя шлепнуть? И инцидент исчерпан.

В старых романах чаще можно было встретить восклицание:

- Я самый несчастный человек! Весь мир от меня отвернулся!

Детский мир - это вы, его родители, его семья. Поэтому когда вы перестаете с ним разговаривать, он, конечно, так красиво и патетично не восклицает, но ощущение у него будет именно это: весь мир от него отвернулся. Это тяжелая артиллерия, и пользоваться ею нужно, по нашему мнению, в самых крайних случаях, когда весь остальной арсенал наказаний испробован безрезультатно.

Очень полезно, конечно, наказывать и лишением чего-то, каких-то любимых кушаний, предметов и развлечений. Однако тут важно не впасть в другую ошибку. Часто родители боятся лишить ребенка самого для него дорогого, считая, что это чересчур жестоко. А потом удивляются, что наказание не действует. Но ведь они лишили его только того, без чего он вполне может обойтись! Какое же это наказание?

Хочется поговорить и еще об одном популярном заблуждении. Принято утверждать, что родители в вопросах воспитания детей должны выступать "единым фронтом". Отсутствие же этого единства рассматривается как порок. "А-а, ты у нас добренький, ты его всегда прощаешь, никакой требовательности... Я одно говорю, а ты другое?! Если я наказываю, ты должен меня поддерживать!"

Конечно, родители должны быть едины в главном: в представлениях о добре и зле, о том, что черное, а что белое. К примеру, если мать говорит, что воровать нехорошо, отцу негоже утверждать, что воровство - одна из главных добродетелей. Но если мать поставила ребенка в угол и он уже какое-то время там постоял и, судя по всему, его это сильно опечалило, прав будет отец, который пожалеет наказанного ребенка. Нет, он, конечно, не подвергнет сомнению авторитет матери, не скажет, что она плохая, злая, жестокая! Не скажет, и что провинность ничтожная, а потому недостойна наказания. Соглашаясь со справедливостью кары, он ВСЕ РАВНО пожалеет.

Что делаем мы, поссорившись с мужем или женой? Звоним подруге, идем "посидеть с ребятами"... да в конце концов просто уходим на работу! Короче говоря, у взрослых есть та или иная отдушина. А куда деваться ребенку? Кому он пожалуется на свое страдание? (Ведь он все равно страдает, даже если знает, что наказан за дело.) Несокрушимый комплот родителей невыносим. Да и наша цель вовсе не в том, чтобы помучить ребенка!

Важно лишь следить за тем, чтобы роли карающего и милующего НЕ ЗАКРЕПЛЯЛИСЬ. Сегодня накажет мама, а пожалеет папа. А завтра наоборот. Очень естественно, когда жалеет

бабушка. И не надо ее за это упрекать. Так было во все времена. А закрепление ролей карающего и милующего опасно не только тем, что ребенок будет бояться или даже ненавидеть сурового родителя. Опасность таится и в том, что сердобольный отец (или мать) начинает самоутверждаться за счет злой, плохой мамы (или папы). И в один прекрасный день ребенок попытается образовать комплот с добрым родителем против злого. И постепенно разгорится война, а семья сейчас едва ли не единственный оплот мира...

О ПОЛЬЗЕ БЕСПРИНЦИПНОСТИ

Раз уж мы в предыдущем очерке упомянули о "войне и мире", как-то само собой выскакивает слово из современного политического лексикона - компромисс". И, может быть, потому сегодняшняя политика нас так ужасает раздорами и войнами и так мало радует миротворческими успехами, что наши государственные деятели слово "компромисс" выучили, а вот что за ним стоит - не чувствуют. Не то чтобы не понимают, а именно НЕ ЧУВСТВУЮТ. У них не сформировано побуждение к взаимным уступкам. И это вполне понятно: общество, в котором главенствовала система "приказ-подчинение", не располагало к компромиссам.

Казалось бы, настали другие времена, и люди уже понимают, что "соглашение" и "соглашательство" далеко не одно и то же. Однако когда речь заходит о воспитании, на первый план выступают слова "принципы", "принципиальность". "Я своему сыну принципиально не разрешаю после девяти вечера смотреть телевизор... А я своей принципиально не покупаю хорошие вещи: она неряха".

Справедливости ради отметим, что особенно не любят "поступаться принципами" мужчины. А на уступчивость своих жен в отношениях с детьми жалуются как на порок. "Это она ему потакает, я-то никогда!"

Вот очень распространенный диалог:

Отец: Петя, иди домой!

Петя: Пап, я еще немного поиграю...

Отец: Иди домой, тебе говорят!

Петя: Пап, ну, пожалуйста!.. Еще пять минуток...

Отец: Нет.

24

Петя: Ну хоть минуточку!

Отец (с гордым пафосом): Я сказал "нет" - значит, нет!

Интересно, что ребенок в этом диалоге дает отцу образец правильных человеческих отношений. Но отец, увы, этот урок не воспринимает. Смотрите:

Петя просит сначала дать ему пять минут. Получив отказ, соглашается на одну минуту. Но отец гордится своей принципиальностью. Хотя чем, собственно, гордиться? Проявлением бессмысленной, абсурдной власти над ребенком, который и так, по понятным причинам, находится во власти родителей? Что изменится, если ребенок еще пять минут побудет на улице? Раз он просит продлить время прогулки, значит, ему на улице хорошо, весело. А так он идет домой с ревом, с опущенной головой, и заряд отрицательных эмоций полностью "съедает" все положительные. Если это случается регулярно (а в семьях, где даже чихают "принципиально", так и бывает), то грошовой самоутверждение родителей происходит за счет подавления воли ребенка, а значит, за счет его психического здоровья.

Кстати, любопытная особенность: почему-то очень часто родители проявляют бескомпромиссность в мелочах, но бывают весьма лояльны к нарушению основных принципов. А такие принципы, конечно же, есть. Не убивать, не красть, почитать родителей, не поклоняться кумирам... Эти принципы называются заповедями, и их вообще-то не очень много, всего десять. Заповедь есть жестокий запрет, табу, и она не требует разъяснений. Напри мер, очень трудно объяснить ребенку, почему нехорошо воровать (тем более, когда воровство

нередко называют бизнесом, свободным предпринимательством, менеджментом и т. п.). У ребенка нет денег, а у взрослых - целая куча! Что плохого, если он возьмет совсем чуть-чуть на мороженое (на жвачку, на шоколадку)? Попробуйте объяснить - и вы рано или поздно придете к раздраженному ответу: "Нельзя, потому что нельзя!"

Или: "Так принято!"

И удивительное дело: дети это прекрасно понимают!

Во всем же остальном, как нам кажется, чем меньше принципиальности, тем лучше. Сегодня ребенок лег точно в срок, а завтра, если ему очень хочется посмотреть интересный фильм, пускай ляжет попозже. Он попросил купить жвачку, а вы сказали "нет", хотя у вас на самом деле были на нее деньги. Не стесняйтесь, пройдя десять шагов, вернуться назад и купить ее, эту несчастную жвачку. Ничего, ваш авторитет от этого не упадет!

Ведь в жизни так много случаев, когда нам приходится говорить ребенку "нет" не из воспитательных соображений, а потому что мы на самом деле не можем выполнить его просьбу! Кроме того, мелочные запреты девальвируют основные, о которых мы только что говорили.

И еще. Мелкими запретами вы невольно провоцируете ребенка на дурные поступки. Соблазн жвачки, которую вы не купили, столь велик для него, что он может не удержаться и стащить у вас деньги. Ему так хочется иногда отдохнуть от школы, что, если вы не позволите ему остаться дома, он попытается симулировать болезнь. А если попытка удастся, будет пользоваться этим постоянно. И таких примеров можно привести очень много.

- Но как же дисциплина, режим?! - возмутитесь вы.

А много ли взрослых любит строгую дисциплину? Вы всегда питаетесь точно по часам или все-таки предпочитаете есть, когда проголодались? И спать вы, наверное, ложитесь не по бою курантов, а по мере усталости.

Строгий режим вообще-то уместен в казарме, где подчиненных гораздо больше, чем начальства, и вторым надо как-то управляться с первыми.

А вот что действительно важно, так это чтобы компромисс был ОБОЮДНЫМ. Важно прежде всего потому, что вы таким образом даете ребенку стереотипы правильных человеческих отношений. Он привыкает не покоряться или, наоборот, помыкать, а идти на уступки, причем на уступки В З А И М Н Ы Е. Главное - сделать это привычным стилем отношений, а не дожидаться экстраординарного случая. Если разобраться, вся наша жизнь состоит из компромиссов.

Мы очень часто слышим жалобы родителей на то, что ребенок-дошкольник требует к себе постоянного внимания, и они ничего не успевают сделать дома. Эта тема нам особенно близка, потому что мы сами в основном работаем дома. Сидишь за письменным столом, а ребенок, как на грех, хочет поиграть. И не один, а с мамой. Можно его, конечно, прогнать в другую комнату, но работать уже все равно будет невозможно из-за его обиженного громкого плача. Можно отложить свои дела, но тогда и назавтра повторится та же история. Как же сделать, чтобы и волки были сыты, и овцы целы?

Попробуйте дать ребенку лист бумаги и карандаш и разрешите ему сидеть рядом с вами, но с условием не отвлекать вас болтовней. Конечно, вам все равно придется отвлекаться: то он покажет вам рисунок, то попросит нарисовать собачку... Безусловно, вы чем-то тоже пожертвуете, но ведь и он пошел на жертву, согласившись играть тихо и в одиночку!

Наверное, не стоит подробно останавливаться на том, что инициатива компромисса и его содержание должны исходить от вас.

Очень полезно не бросаться со всех ног выполнять просьбу ребенка, а просить его немного подождать, обозначив границы этого ожидания. ("Сейчас, вот только посуду домою"... "Подожди минутку, я еще не допила чай" и т. п.) Это тоже приучает детей к компромиссу, потому что от природы они нетерпеливы.

Чрезвычайно важно пользоваться системой взаимных уступок, когда вы ребенка наказываете. , Вот уж где принципиальность менее всего уместна!

Давайте рассмотрим какой-нибудь конкретный случай. Четырехлетний мальчик не хочет делиться шоколадкой с сестрой, а требует, чтобы все досталось только ему. Плачет, кричит, топает ногами. Кто-то в подобном случае убедит старшую сестру уступить орущему малышу. Кто-то, напротив, возмутится:

- Ах, так? На, Машенька, ешь все сама, раз он такой жадина!

Нам оба эти варианта представляются непедagogичными. В первом случае вы поощряете жадность и своеобразие, во втором наносите мальчику жестокую травму. Мы поступили бы вот так: придав лицу суровое выражение, сказали бы:

- Не хочешь делиться - вообще ничего не получишь. Уходи отсюда!

И выставили бы ребенка за дверь. Скорее всего он бы расплакался и вскоре, хлюпя носом, вошел бы в комнату.

- Ну что, маленький, ты раздумал жадничать?.. Конечно! Я же знаю: ты хороший. Это на тебя что-то нашло.

(В знак согласия он сопит.)

- Тогда, - продолжаете вы, - иди и попроси у Маши прощенья.

Но к этому он не готов. Многим детям вообще очень трудно просить прощения в словесной форме. И не следует на этом настаивать!

- Ладно, - делаете вы очередную уступку, - мы сейчас вместе попросим. Машенька, подойди к нам! Пете очень стыдно, он просит у тебя прощенья и отдает тебе твою долю.

С этими словами вы протягиваете Маше ее половинку, а Пете - его.

Если Петя теперь уже без шума довольствуется своей половинкой, вы подключаете к "воспитательному процессу" Машу.

- Машенька, раз у нас Петя такой герой, дай ему, пожалуйста, еще маленький кусочек.

А когда приходит папа, вы громко, чтобы Петя слышал, рассказываете ему о Петиней неслыханной щедрости, о том, какой подвиг он сегодня совершил, поделившись с Машей шоколадкой.

Теперь о сердитом лице. Это еще один пример маски. Маски, подчеркивающей и утрирующей эмоцию. Мы считаем, что это полезно по многим причинам и, в частности, потому что дети, особенно маленькие, сильнее реагируют на зрительный ряд, чем на звуковой.

Однако ПОКАЗЫВАЯ рассерженность или обиду, не стоит всерьез сердиться или обижаться на ребенка. Ведь он вам не ровня и НИКОГДА, даже в шестьдесят лет, ровней не станет, потому что вы кормили его с ложки и вытирали ему попку. Родители (особенно молодые) нередко впадают в эту ошибку: обижаются на пятилетних детей, как на взрослых, копят свои обиды. Матери плачут, отцы негодуют. За десять-пятнадцать лет у них накапливается такой пухлый счет обид и претензий, что сын или дочь превращаются в вечных должников своих родителей.

Как будто вы не подарили ребенку жизнь, а вы - дали ему непогашенный кредит, да еще под большие проценты, да еще с угрозой долговой тюрьмы за непогашение!

ЛИЛИПУТ В СТРАНЕ ГУЛЛИВЕРОВ

Мишу К. мы не забудем никогда. Этого пятилетнего мальчика, будто наследного принца, окружала толпа придворных: бабушка, дедушка и двоюродная бабушка (сестра дедушки). Они предупреждали каждое его движение, каждый шаг, каждый помысел. Они были его руками, ногами и головой. Как и положено верным царедворцам, они его обожали. Могли без умолку, перебивая друг друга, говорить о Мишиной уникальности, цитировать его высказывания, вспоминать самые незначительные эпизоды, которые в их устах приобретали звучание былинных подвигов. В общем, они наслаждались этим ребенком, вдыхали его, как аромат розы.

Далее читатель почти механически дорисовывает банальную картину. Все понятно, обычная история, избаловали мальчишку, и теперь маленький тиран ими помыкает.

Но в том-то и дело, что Миша не был тираном! Ни тираном, ни рабом, потому что у раба есть стремление к свободе. Он вообще никем не был. Первое время мы ломали голову: какой все-таки характер у этого мальчика? Что он любит? Что его раздражает? Что вызывает интерес, а что - жалость? Кто он? Мы терялись в догадках, пока не поняли одну печальную, если не сказать - страшную, вещь: перед нами была кукла. Поэтому мы и не могли ответить на вопрос "кто он?". Ведь кукла-это не "кто", а "что".

Нам так хотелось, чтобы он хоть разок покапризничал, похулиганил - короче, пусть негативно, но проявил свою волю! Увы, Миша был идеально послушен. Скажешь "иди" - идет. Скажешь "садись" - садится. А не скажешь - так и будет стоять столбом.

Самое ужасное, что его бабушек и дедушек это нисколько не настораживало. Наоборот, именно от этого они и были в полном восторге. Их беспокоило только одно (с этим-то они к нам и обратились): Миша заикался. Иногда слегка, а иногда очень заметно. Маленькая досадная поломка в таком чудесном, таком отлаженном кукольном механизме. Требовался ремонт.

Когда мы это поняли, нас перестала умилять горячая любовь Мишиных родственников. Она опутывала мальчика, словно паутина. Без подсказки он не отвечал даже, как его зовут и сколько ему лет. Правда, ему никто и не давал ответить самому.

Нам захотелось увидеть Мишину мать, и тут выяснились совсем странные подробности. Мамы в Мишиной жизни не было. Вернее, была, но только раз в неделю, по воскресеньям. Нет-нет, она вполне здорова и не страдает алкоголизмом или безнравственным поведением, поспешили успокоить нас бабушки, просто не стоит ее посвящать в эти дела, когда около мальчика трое таких серьезных взрослых. А мама, дескать, слишком молода, ей всего 25, она, в сущности, ребенок. Мало ли, что она хочет жить со своим сыном! Ее папа, мама и тетя решили, что мальчику с ними, тремя пенсионерами, будет лучше. Ведь у них много свободного времени, которое они без остатка могут посвящать любимому внуку. А главное, они в отличие от Мишиной мамы знают, как полагается воспитывать детей...

Мы поняли, что маме ребенка не отдадут. Это решено и подписано. Давно, окончательно и без нас. Но поскольку к нам все-таки обратились за помощью, а мы уже поняли, что речевые "сбои" в данном случае - лишь отражение гораздо более серьезной "поломки" - полностью подавленной воли, - мы попытались хоть немного ослабить давление со стороны бабушек-дедушек,

- Хорошо бы давать Мише побольше самостоятельности, - сказали мы, - например, он уже может гулять один во дворе. Под окном, конечно.

- Что вы! - ужаснулись родственники. - Мы его н и к о г д а никуда не отпустим одного.

- Но ему скоро в школу.

- Ну и что? Слава Богу, его маму мы и в школу, и в институт водили за руку.

- До каких же пор? - поинтересовались мы.

- До самого ЗАГС! - последовал гордый ответ. - И ничего, человеком выросла. Без всяких глупостей!

"А также без права растить собственного ребенка", - подумали мы. И за полной бессмысленностью прекратили беседу.

Это, конечно, крайний случай (хотя в нашей практике, увы, не единичный). Но так называемая гиперопека, когда родители окружают своего ребенка излишней заботой, сегодня явление достаточно распространенное.

Почему? Скорее всего, по совокупности причин. С одной стороны, больше женщин теперь сидит дома и занимается семьей. С другой, пресса и телевидение постоянно пугают чудовищным ростом преступности. И вообще гиперопека свидетельствует, на наш взгляд, о росте бытовой культуры. Может быть, это звучит неправдоподобно: какая же культура при таком разрушении и хаосе? Да и какая гиперопека?! Сопливые мальчишки торгуют газетами,

моют машины, спекулируют бензином! Правильно. Один спекулируют бензином, а других водят за руку в институт. Что поделаешь? Прогрессивные мыслители нам уже объяснили, что это называется расслоением общества. И что это очень прогрессивно. (Интересно, что особенно пропагандируют детский труд те, чьи отпрыски учатся в Гарварде, отдыхают на Мальте или, в крайнем случае, посещают элитарные московские лицеи. Но это так, к слову.)

О чем, как нам кажется, следует помнить родителям, если у них возникает соблазн излишне нянчиться со своим ребенком? Прежде всего о том, что они тем самым порождают и умножают детские страхи.

- Пойдите-пойдите! То есть как? Ограждая ребенка от опасностей, мы сеем в нем страхи?

Ну конечно! О чем думает маленький мальчик, когда взрослые не отпускают его от себя ни на шаг? Он думает: "Какой же это, должно быть, страшный, ужасный, опасный мир! Собака кусается, машина давит, дядька крадет, тетка дает отравленную конфетку, в дверь звонят только воры. И даже вкусные фрукты - это прежде всего носители смертоносных бактерий..."

Получается, что у всего окружающего мира есть только одна сторона, одна функция - агрессивная. И мишень этих агрессивных импульсов - он, маленький ребенок. Тут и взрослому-то немудрено свихнуться!

Кстати, в Западной Европе со взрослыми провели гораздо более невинный эксперимент, но и его результаты показательны. Было открыто кафе с оригинальным интерьером. Оригинальность заключалась в том, что взрослые, попадая в это кафе, оказывались в положении детей. Габариты мебели соотносились с величиной взрослого человека так же, как габариты обычной мебели - с величиной пятилетнего ребенка. Посетители кафе утопали в гигантских креслах, не доставали ногами до пола, а руками до еды на столе. Выяснилось, что это весьма неприятное чувство, и кафе вскоре опустело. Мамам и папам дали понять, каково ребенку в мире взрослых. Очень, конечно, приблизительно и совсем чуть-чуть...

Да ребенок и так себя ощущает лилипутом в стране Гулливеров. И гиперопека это тягостное чувство, безусловно, усугубляет. Ведь если его, ребенка, так неустанно охраняют, оберегают, контролируют, предупреждают, значит, он уж совсем беспомощный? Значит, только дунь на него - и мокрого места не останется! Надо заметить, что с жалобами на детские страхи к нам часто обращаются именно те родители, которые ни на шаг не отпускают ребенка от себя. А детской ленью, как правило, обеспокоены те, кто делает с ребенком уроки даже по пению. И никому из них (во всяком случае в нашей практике) не приходило в голову менять что-то не в ребенке, а в своем отношении к нему.

У гиперопеки есть и более отдаленные печальные последствия. Впрочем, и не такие уж отдаленные.

Например, необдуманные ранние браки - лишь бы поскорее выпорхнуть из-под душного родительского крыла. Но это еще не самое худшее. Давно известно, что именно маменькины сынки и дочки при первой возможности пускаются во все тяжкие. Ну а другие - вроде Миши, о котором мы рассказали вначале, - остаются "до старости щенками", обреченными на рабскую зависимость сперва от родителей, а потом от жены или мужа.

А как издеваются сверстники над ребенком, которого в 10, 11, 12 лет водят в школу за руку! Ну-ка попробуйте мысленно проиграть такой этюд: вас зовут Кирилл (или Миша, или Витя - подставьте имя своего сына). Вы уже в пятом классе и носите папины рубашки, которые сели в стирке. И вы тайно влюблены в девочку с красивым именем Кристина. В прошлом году вы были счастливы, если оказывались с ней утром в одном трамвае. А сейчас это превратилось в сущую пытку. Ведь Кристина, хоть и девочка, уже ездит в школу одна. А вас провожает бабушка. И вы уже не раз ловили на себе насмешливый Кристинин взгляд.

Пофантазируйте, проиграйте еще две-три ситуации.

Весна. Все давно ходят без головного убора, а вы в зимней шапке.

Ваш класс поехал за город в таком составе: ребята, классная руководительница и... вы с мамой, которая вдобавок каждую минуту пичкает вас бутербродами и чаем из термоса.

- Ничего! Я своих родителей знаете как за это ненавидела? - сказала нам одна женщина. - А сейчас очень даже им благодарна. Зато со мной ничего не случилось. Руки-ноги целы.

И с вызовом добавила:

- Я со своим буду обращаться точно так же. У меня всего один ребенок. Я рисковать не хочу.

А не здесь ли на самом деле собака зарыта? Ведь разрешать ребенку быть самостоятельным - это риск, и нередко огромный риск. То ли дело неусыпный надзор! Конечно, он отнимает много времени и сил, зато вы обеспечиваете себе спокойную жизнь и выглядите при этом почтенно в глазах окружающих. С каким уважением обычно говорят о матери, которая живет только ради ребенка! Об отце, который контролирует каждый шаг своей дочери-подростка... Впрочем, это тема отдельного разговора, и мы надеемся, что он не за горами.

Что же касается риска, то без него, конечно, жить спокойнее. Вам. Но спокойствие-то за счет ребенка, котором вы, якобы, так радеете. Ибо каждый его самостоятельный шаг есть репетиция. Чем больше репетиций, тем успешнее, тем полноценнее сыграет он спектакль под названием "жизнь". А на что его обрекаете вы? Он выйдет на сцену неподготовленным и потерпит крах, от которого, быть может, никогда не оправится. Причем случится это скорее всего еще на вашем веку. Неумение выбрать правильный путь в жизни, хронические личные трагедии, брошенные дети, психические срывы, неудовлетворенность своей судьбой... В общем, все по известной пословице "Малые дети спать не дают, а от больших сам не уснешь". Так что гиперопека, если заглянуть в будущее, и с эгоистической точки зрения не очень-то целесообразна.

Конечно, мы не призываем к тому, чтобы дети росли, как сорная трава. И решая вопрос о "дозе" самостоятельности, надо учитывать возраст, индивидуальные особенности и - что очень важно - традиции. Например, трехлетнего ребенка надо крепко держать за руку, переходя через дорогу. А семилетний уже может решить эту задачу самостоятельно. Правда, если ребенок хромот, лучше ему и в десять лет помогать. Ну а если вы попали на Кавказ (мало ли, вдруг такое еще случится в нашей жизни?), то даже четырнадцатилетнюю девочку лучше держать за руку или под руку. И не обязательно при переходе через дорогу, а вообще... Такая уж традиция на Кавказе: приличные девочки одни не гуляют.

А наши - гуляют. И десятилетняя девочка вполне состоянии поехать куда-то на трамвае, автобусе, троллейбусе или метро, пускай без пересадки и, разумеется, в светлое время суток.

Безусловно, ребенка нельзя отпускать в "свободное плаванье" без подготовки. Обычно родители в деталях объясняют, проговаривая новую ситуацию. А знаете, что полезно сделать, как говорят психологи, для закрепления словесно-образной связи? Ту же Самую ситуацию проиграть. Можно с куклами, можно "в живом плане" (это уже термин не психологический, а театральный). Помните: лучше один раз проиграть, чем десять - проговорить.

Вот очень типичный случай (кстати, он тоже связан с переходом через дорогу). Восьмилетней девочке предстояло впервые поехать на автобусе в изостудию. Автобус останавливался прямо возле дома, но на противоположной стороне улицы. Мать подробно оговорила с дочкой маршрут, проверила, помнит ли она остановку, на которой надо выходить. И даже нарисовала план на листочке бумаги.

Каково же было удивление матери, когда, выглянув в окно, она увидела, что девочка в растерянности замерла перед светофором и никак не решается шагнуть на мостовую!

Только потом она сообразила, что умение дочери пересекать улицу не вызывало у нее никаких сомнений, ведь они столько раз. делали это вместе! Матери просто не пришло в голову, что, идя с ней за руку, ребенок не фиксирует последовательность действий, а совершает их автоматически.

Если бы мать не проговаривала, а проиграла эту ситуацию - с самого начала, с момента выхода из дома, - скрытая трудность обязательно вылезла бы наружу и была бы устранена заранее.

Справедливости ради надо сказать, что наша педагогика относится к гиперопеке весьма отрицательно. Да, дошкольные учреждения стимулируют нас как можно раньше приучать ребенка самостоятельно одеваться, есть, пользоваться горшком, шнуровать ботинки. Часто это приучение сопряжено со страшной нервозностью, родительскими криками, детскими слезами... Самое здесь обидное, что масса энергии тратится, в сущности, на ерунду. Все, абсолютно все люди, кроме умственно отсталых в степени идиотии, рано или поздно приучаются не делать в штаны. И одеваться. И есть. Родители же, как спринтеры, полностью выкладываются на первой "стометровке", приучая ребенка к физической самостоятельности. И у них уже не хватает пороку приучить его к самостоятельности интеллектуальной и волевой. Научить делать собственный осмысленный выбор. Проблема в ы б о р а. возникает, как правило, тогда, когда настает пора задуматься о выборе жизненного пути, профессии. И вы очень возмущаетесь, когда ребенок пожимает плечами и говорит:

- Не знаю... Мне все равно... Мне ничего не хочется...

А чем тут возмущаться? Разве вы научили его выбирать? Что обычно слышит ребенок?

- Ешь, что дают. Я кому сказала?!.. Делай то-то! Делай так-то! Иди туда-то!

А если ребенок хочет чего-то другого, его быстро окорачивают:

- Не выкрутасничай! Нет такого слова - "хочу"! Ишь какой привереда!

Подавляя волю ребенка по мелочам, мы почему-то потом требуем, чтобы он проявил ее в главном. Та есть опять-таки выталкиваем на жизненную сцену без единой репетиции, да еще хотим, чтобы он блестяще справился с ролью. Абсурд!

Мы уверены, что приучать детей к самостоятельному выбору гораздо важнее, чем к ложке или горшку. Разве трудно спросить у малыша, что он хочет на ужин: кашу, творог или оладышки? Какие колготки ему сегодня хочется надеть: синие или красные? Где он сегодня хочет погулять: в скверике или на горке?

Только это обязательно должен быть реальный выбор! А не фиктивный, когда вы заранее запланировали желаемый для вас ответ.

Мама Паши Т., страдавшего тяжелой астмой, побеседовав с нами, спросила своего сына: "Ты сегодня хочешь обливаться или нет?" (Врач прописал ему обливания холодной водой.) Мальчик ненавидел эти обливания и, естественно, сказал нет. Мама же наивно рассчитывала, что ее сын сделает выбор в пользу обливаний и потом предъявила нам претензии, что наши советы спровоцировали еще один ее конфликт с Пашей. Но в данном случае мы были ни при чем. Она дала мальчику ложную надежду, и он отреагировал на это болезненно.

Другая крайность (особенно распространенная в кругах интеллигенции) - это предоставлять ребенку полную свободу выбора, в том числе и выбора непосильного, не по возрасту. Строится эта "свободная педагогика" на расхожих либеральных мифах: "Ребенок лучше знает, что ему нужно", "Дети мудрее нас" и т.п.

В результате этих благоглупостей ребенок, который "лучше знает, что ему нужно", либо целыми днями смотрит телевизор, а если читает, то комиксы, либо с малолетства толчется среди взрослых и вырастает резонером и снобом, усваивая лишь форму, лишь оболочку культуры. У такой "старой головы" все "псевдо": интересы, вкусы, даже эмоции. А главное - суждение! Он рассуждает о постмодернизме и отцах церкви, о западной демократии и восточной этике, привычно приводя в восторг нечутких к фальши гостей. И при этом у него часто отсутствуют самые элементарные понятия. Нет чувства такта, чувства сострадания, вообще нет привычки интересоваться людьми. И фантазия у таких детей, как правило, не развита, хотя часто предмет гордости их родителей - это литературное творчество ребенка. Но оно-то и является наиболее "диагностичным": все - сплошной плагиат, и если что-то и выдает юный возраст "гения", то это лишь наивная откровенность заимствования. Даже детский

рисунок- казалось бы, образец самобытности - у таких псевдовундеркиндов удручающе несамостоятелен. Все это мамы и папы представления о "Стране Фантазии".

- Опять наговорили с три короба, - устало вздохнет наш читатель. - А выводы, выводы? Сухой остаток?

И правда, пора закругляться. А вывод наш таков: равновесие. На одной чаше весов написано "права", на другой - "обязанности". Только на одну чашу положили новую гирьку, не забудьте восстановить равновесие, бросив соответствующую гирьку и на другую. А то нередко расширение прав ребенка (без которого все равно не обойтись) почему-то не связывается с увеличением обязанностей. В результате вырастает тиран-неумейка, своенравный и инфантильный. Если же постоянно перевешивает чаша обязанностей, вы можете получить забитое покорное существо (не кроткое, а именно покорное). А хочется, чтобы вырос не тиран и не раб, а нормальный свободный человек, не так ли?

Не думайте, что соблюдать равновесие очень сложно, ведь весы чисто символические, а вовсе не прецизионные, аптекарские. Предположим, что вы впервые разрешили ребенку поехать в гости к другу, живущему в нескольких остановках от вас. Хорошо. Но будет еще лучше, если он теперь и сестру начнет, время от времени забирать из садика, раз он такой взрослый. Естественно, варианты могут быть самые разнообразные. Важен принцип. Один из немногих принципов, которыми, на наш взгляд, не стоит поступаться.

БЕС МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ

В своей книге "Любовь" английский филолог и философ Клайв Льюис пишет, что любовь, ставшая богом, становится бесом. И продолжает: "Когда глупая мать балует ребенка (а на самом деле - себя), играет в живую куклу и быстро устает, действия ее вряд ли "станут богом". Глубокая, всепоглощающая, пожирающая обоих любовь женщины, которая в полном смысле слова "живет для своего ребенка", богом становится легко... Она (любовь) станет богом, станет бесом - и разрушит нас, а заодно и себя..."

И не надо думать, что такое встречается раз в сто лет. Слова "держится за материнскую юбку", "я ему жизнь отдала, а он..." и тому подобные слышатся (и всегда слышались!) сплошь и рядом.

Поначалу эта картина выглядит идилично. Нежный, хрупкий, ангелоподобный малыш льнет к своей маме. И мама, будто сошедшая с плаката "Материнство", сильным, но нежным объятием защищает свое сокровище от этого безумного, безумного, безумного мира. Дальше - больше. Малыш растет и крепнет, но и объятия, которые, казалось бы, по мере его роста должны ослабнуть, тоже крепнут.

- Он без меня ни шагу! - хвастается такая мать своим подругам. - Куда я - туда и он. Вот даже в уборную зайду, а он уже: "Мама! Где ты?" А я... я вообще без него не живу. Отвезу в субботу к бабушке, а сама на стенки лезу. Вся жизнь в нем...

Казалось бы, так трогательно: ребенок не может без матери, мать обожает ребенка... Но что-то невольно настораживает. Пока лишь на уровне лексики: "Я без него не живу... на стенку лезу... В с я жизнь в нем..."

Вам не кажется, что эти выражения гораздо более уместны в устах пылкой, страстной любовницы, а вовсе не любящей матери?

Приглядевшись повнимательней, почти всегда убеждаешься в неслучайности своего первого впечатления. Женщины бывают самые разные, да и дети далеко не всегда хрупкие и ангелоподобные (встречаются, наоборот, крепкие, грубоватые "маленькие мужички"). Общее тут одно: несчастливая женская судьба. И совсем необязательно, чтобы женщина была одинокой. Бывают и замужние. Такие ищут и обретают в ребенке то, чего им не хватает в мужчине. Кто-то - тонкую и понимающую душу, а кто-то - да-да, не удивляйтесь! - деспотичную мужскую власть. Второе, между прочим, встречается даже чаще, чем первое. И

виновата в этом пресловутая женская эмансипация. Боролись за то, чтобы мужчина не бил, - не бьет. Требовали, чтобы помогал по хозяйству, разделял домашние обязанности, - помогает, делит. Мечтали, чтобы советовался - советуется. И не просто советуется, а перекладывает на вас ответственность за принятые решения! А с ним вздумаешь посоветоваться, говорит: "Не знаю. Делай, как хочешь".

В начале нашей психотерапевтической работы, в самой первой группе, был мальчик Андрюша. Несмотря на свою выраженную славянскую внешность, он напоминал восточного падишаха. А его мама - гаремную рабыню. Разве что в ладоши он не хлопал, чтобы ее вызвать. Впрочем, это и не требовалось: она и так всегда была рядом. И хоть он еле доставал ей до плеча, было полное впечатление, что она заглядывает ему в глаза снизу. И чем наглее, чем грубее Андрюша с ней разговаривал, тем ярче сверкали эти воздетые к нему глаза. На Андрюшину маму было даже как-то неловко смотреть, потому что на ее лице временами мелькало неуместное сладострастие.

Мы долго не решались поговорить с ней, но в конце концов решились. Больше всего нас потрясла ее простодушная откровенность.

- Да-да, - радостно закивала она в ответ на наше замечание, что Андрюша повелевает ею, как взрослый мужчина. - Это вы точно подметили! Вот именно, "как взрослый мужчина"!.. Не то что муж! Муж у меня тряпка, слюняй... вообще не мужик! - добавила она со вздохом.

Теперь, повидав множество таких Андрюш и мам, мы можем чуть ли не с первого взгляда определить вид отношений между матерью и сыном, который Фрейд называл "Эдипов комплекс". Греческий царь Эдип, по преданию, убил своего отца и женился на матери. Говоря об Эдиповом комплексе, Фрейд, как вы понимаете, не имел в виду реальный брак сына с матерью. Речь шла о бессознательном, подавленном взаимном влечении, которое принимало форму "психологического брака".

Сексуальная природа этого влечения не вызывает сомнений, хотя сами матери этого почти никогда не осознают.

Вот как говорила о своем четырехлетнем сыне молодая, цветущая женщина, расставшаяся с мужем еще до рождения ребенка:

- Мой Павлик так целует меня... ну прямо по-настоящему... И в губы, и в глаза, и руки обцеловывает. "Мама, - говорит, - какая ты красивая! Как я тебя обожаю! Какая у тебя кожа!.. Представляете?"

И от одного упоминания о сыновних поцелуях она делалась пунцовой.

А другая мама, легкомысленно хихикая, рассказывала, что ее пятилетний Денис зовет папу в свою комнату и уговаривает:

- Папочка, ложись в мою постельку. Я тебе уже постелил, сейчас тебя одеяльцем укрою. У меня тут мягко, тепло. А я сегодня буду спать на твоём месте, с мамочкой.

- Да ладно вам страху-то нагонять! - поморщится кто-то из читателей. - Испокон веку малыши засыпали под боком у матери - и ничего!

Но ведь любой взрослый человек прекрасно ощущает разницу между объятием дружеским и объятием страстным, между поцелуем чувственным и родственным и т.п. Точно так же и мать должна чувствовать, что исходит от ее бока: успокоительное тепло или горячий детскую кровь жар.

Во втором случае дело иногда принимает уже не юмористический оборот.

Мама Саша Б. пожаловалась нам, что ревность сына мешает ее интимным отношениям с мужем. Стоит ей зайти ночью к мужу в спальню (она, разумеется, спала в одной комнате с сыном, хотя тому было уже восемь лет), как Саша моментально просыпается и истошно орет: "Мама, ты куда?" Интересно, что если она вставала в туалет или попить воды, Сашу это не тревожило и он продолжал спать, как убитый.

Кстати, эта мама тоже не видела в сложившейся ситуации ничего страшного. Она только поражалась уникальной интуиции своего ребенка.

Кажется, примеров получилось достаточно, и все же позволим себе привести еще один.

Сверхзастенчивый Слава С., едва получив возможность спрятаться за ширмой и разыграть в куклах свои ссоры с мамой, моментально вошел в раж. И показал такое, что у присутствующих похолодели спины. Они с мамой не просто ссорились. Это были душераздирающие сцены любовных скандалов с угрозами и обвинениями, рыданиями и битьем по лицу. Мама кричала:

- Уходи! Ты мне не нужен! Лучше я буду одна!

Слава бежал на кухню, хватал огромный хлебный нож, заносил над собой и вопил:

- Прощай! Я ухожу из жизни!

И во всем этом был такой сексуальный привкус, что присутствующим становилось неловко, словно перед ними были не наивные тряпичные куклы, а живые люди в момент любовного экстаза.

В другие же минуты этот двенадцатилетний мальчик был тише воды ниже травы и сидел всегда рядом с мамой, хотя другие дети рассаживались вокруг стола отдельно от родителей и всячески стремились продемонстрировать свою независимость.

Мама, ссылаясь на его чрезвычайно хрупкое здоровье, перевела Славу на домашнее обучение. Друзей у него не было. Каждая робкая попытка Славы сблизиться с кем-то из нашей группы встречалась мамой настороженно. Она старалась ни на минуту не упускать Славу из виду и зорко следила, не "подавляет" ли его новый приятель.

Во время одной из бесед Славина мама призналась, что она сама провоцирует множество скандалов. И, быть может, потому, что, когда она была ребенком, все ее игры с отцом непременно заканчивались бурными сценами, слезами и побоями. То есть она переняла стереотип отношений с отцом и перенесла его на ребенка.

Кстати, когда что-то похожее на описанное нами происходит между девочкой и отцом, то в психоанализе это называется "комплексом Электры". С такими случаями мы тоже сталкивались.

Правда, разбирая подобные отношения, Фрейд отводил в них ведущую роль ребенку, причем ребенку особого, невротического склада. По его мнению, это было связано с "ранней сексуальной травмой", с тем, что когда-то, в самом нежном возрасте, человек стал свидетелем интимных отношений родителей, и это, запечатлевшись в подсознании, исказило его мировосприятие, в частности - сферу влечений.

Отважмся заявить, что у нас вызывают сомнения два момента: во-первых, обязательное наличие ранней сексуальной травмы и, во-вторых, то, что ведущая роль в "психологическом браке" принадлежит ребенку.

Причем если первое проверить практически невозможно, то второе - "кто виноват?" - мы видели своими глазами, и неоднократно. Этот стиль отношений (как, впрочем, и любой другой), безусловно, задают родители. Другое дело, что они "ничего такого" не имеют в виду. Обоснования звучат, на первый взгляд, благородно: хочется, чтобы ребенок поскорее стал другом, собеседником, опорой.

- Он абсолютно все понимает. И я ему все-все рассказываю. Как взрослому! Это мать о сыне. А вот отец о дочери:

- Она чуть что - не к матери, а ко мне. Меня прямо боготворит. Я с работы прихожу - она ко мне летит со всех ног. Виснет на шее, с колен не слезает, руки целует... Отец для нее все!

А иногда (как в случае со Славинной мамой) родители, даже понимая, что их взаимоотношения с ребенком больше напоминают любовный роман, вполне этим довольны. Во всяком случае, польщены.

А действительно, можно спросить, в чем криминал? Ведь это же не реальный брак, не кровосмешение или, по-научному выражаясь, инцест. А психология. Ничего страшного!

Но те, кто так думает, глубоко заблуждаются. Страшного тут достаточно. Это и неизбежные в таких случаях невротические искажения личности, и досрочное пробуждение сексуальности, и огромные, иногда непреодолимые затруднения в выборе пары в будущем.

А уж если говорить совсем серьезно, то у мальчика, состоящего в "психологическом браке" с матерью, нередко развиваются гомосексуальные наклонности. (Очередной парадокс: мать хочет слишком рано видеть в ребенке - мужчину, а в результате мужчина вырастает капризным, переутонченным, женственным. Настолько женственным, что играет роль женщины в гомосексуальной паре.)

Пытаясь обрести в мальчике опору, его мать грубо нарушает иерархический стереотип "взрослый-ребенок". Служа опорой матери, он сам фактически утрачивает точку опоры и, как следствие, теряет психическое равновесие.

Помните цитату, с которой мы начали наш разговор? Так вот, разыгравшийся "бес материнской любви" действительно разрушает. Разрушает душу ребенка.

СОЗНАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К БЕССОЗНАТЕЛЬНОМУ

В конце предыдущей главы мы вскользь упомянули о иерархическом стереотипе "взрослый - ребенок". Надо сказать, что таких поведенческих стереотипов, то есть давным-давно устоявшихся моделей отношений, довольно много. И время от времени, в разные эпохи, возникало и возникает желание какой-то из этих стереотипов сломать. Находились даже умные головы, которые считали, что сломать надо все!

А потом наступали другие времена, "реакционные", когда эти самые стереотипы каким-то магическим образом вновь занимали свое прежнее место.

Вспомним притчу о блудном сыне. Как всякая настоящая притча, она многомерна. Это и история целых народов, прошедших путь от рабства через бунт к добровольному следованию государственному закону, и путь отдельного человека, который сначала вынужденно зависит от родителей, потом - иногда очень бурно! - переживает подростковый протест и, в конце концов, взрослеет и приходит к осознанному почитанию родительского авторитета. Блудный сын - это и распутник-гуляка, который после всех своих бесчинств и безумств греет кости у семейного очага, став ревнивым мужем и строгим отцом. Это и эмигрант, который с проклятиями покидает родину, чтобы в конце жизни мечтать лишь об одном: припасть к родной земле. И это, конечно же, богоборец с его дерзкой, но напрасной попыткой создать мир без Отца и с трагическим крахом этой инфантильной затеи в финале...

Нам же интересно поговорить о стереотипе, о традиции, о традиционной нравственности в связи с психикой ребенка.

Грандиозные открытия в этой области были сделаны крупнейшим психологом, психиатром и философом Карлом Густавом Юнгом. Он первый сказал о том, что психика отдельного человека на разных возрастных этапах повторяет путь развития всего человечества. Мало того, Юнг утверждал, что в недрах человеческой души живет память об истории всего человеческого рода. Что, кроме личных свойств, унаследованных от родителей, живут в человеке и свойства его далеких предков. А потому поведение может быть обусловлено, помимо всего прочего, памятью предков - тем, что Юнг называл коллективным бессознательным.

У каждого Ньютона бывает свое яблоко, которое нельзя более кстати падает ему на голову. Будучи еще студентом, Юнг обратил внимание на свою дальнюю родственницу. А студентом он был в начале века, в разгар моды на спиритические сеансы и медиумов (медиумы - это посредники в общении людей с духами).

Родственница Юнга, полуграмотная провинциальная девушка, как раз и была таким медиумом. Удивительное дело: стоило ей впасть в состояние транса - и она переходила на литературный немецкий язык, которым в обычной жизни, естественно, не владела.

- Ну ладно, - рассуждал Юнг. - Такой феномен еще можно объяснить. Это выходит не за пределы ее личности, а лишь за пределы ее сознания. Она вполне могла слышать когда-либо литературную речь, и это отложилось в ее подсознании. Но где и когда она могла услышать о сложнейшей космологической системе, созданной философами-гностиками во II веке н. э.?!

Эта система была изложена одним из "духов", с которым общалась родственница Юнга, самым детальным образом.

Юнг принялся исследовать мир снов, своих и чужих. Огромное внимание он уделял снам своих пациентов. И обнаружил, что человеческие сны буквально переполнены древнейшими символами. Эти символы присутствуют в сновидениях самых разных людей независимо от возраста, расы и социального положения. Получалось, что, когда человек бодрствует, память предков спит, а когда он засыпает, она пробуждается и властно напоминает о себе.

- Впрочем, память предков мы можем ощутить в себе, не только когда спим. Но если во сне "коллективное бессознательное" выражено в конкретных дарительных образах, то наяву это бывают смутные ощущения, настолько смутные, что их невозможно описать словами.

Человек, впервые севший на лошадь, будто узнает в себе что-то. И это "что-то" сообщает ему беспричинную радость и беспричинную отвагу. Казалось бы, чему уж так радоваться? А отвага у неумелого седока просто абсурдна. Ведь лошадь может сбросить на полном скаку - и костей не соберешь! Но дело, наверно, в том, что в этот момент происходит встреча. Встреча древнейшего спутника человека с древнейшим человеком, который живет в нас. В глубинах, быть может, - на самом деле нашей души. В нас пробуждается, по определению Юнга, а р х е т и п ("архе" - первоначало).

Почему у потомственного интеллигента, городского жителя в четвертом поколении, пришедшего на фольклорный концерт, при первых же звуках казацкой песни может возникнуть чувство, будто ему все это знакомо и было знакомо всегда? Это в нем, как сказал нам один из таких интеллигентов, запели хором все его прадедушки-казаки.

А вот что писал великий польский педагог, легендарный директор Дома сирот Януш Корчак:

"...бывают дети, которые старше своих десяти лет... в крови их мозговых извилин скопилась мука многих страдальческих столетий. При малейшем раздражении имеющаяся в потенции боль, скорбь, гнев, бунт прорываются наружу, оставляя впечатление несоответствия бурной реакции (в данном случае Корчак имеет в виду ночной плач одного из своих подопечных) незначительному раздражению.

Не ребенок плачет, то плачут столетия, причитают горе да печаль не потому, что он постоял в углу, а потому что и х (разрядка наша) угнетали, гнали, притесняли, отлучали".

А помните хрестоматийную сцену из "Войны и мира", где Наташа Ростова в гостях у дядюшки пускается в пляс?

"Где, как, когда всосала в себя... графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, - этот дух, откуда взяла она эти приемы?.. - восхищенно вопрошает Толстой. И добавляет: Но дух и приемы были те самые, неподражаемые, неизучаемые (разрядка наша), русские..."

Откуда? А все оттуда же! Звуки народной песни в артистическом вдохновенном исполнении дядюшки (тоже, между прочим, не крестьянина, а дворянина) пробудили в Наташе национальный архетип.

Юнг, правда, считал, что общеродовая психика, как и психика индивидуальная, передается генетически, наследуется. Мы думаем, что это не совсем так. Очень многое, как нам кажется, в том числе и неосознанное пристрастие к чему-то и отталкивание от Чего-то, зависит от культуры, в которой живет человек. Причем, говоря "культура", мы в данном случае подразумеваем общую атмосферу, так сказать, культурный воздух.

Мир, в котором мы живем, полон трудноуловимых "напоминаний". Старинные песни - это, конечно, сильный удар по родовой памяти. Его можно сравнить с ударом грома. Но есть множество других напоминаний, не таких сильных и конкретных, но зато постоянных. Они-то

и воспитывают душу, насыщают ее животворными импульсами. Это камни, топтанные миллионами ног, это дома и деревья, запахи и выражения лиц...

А еще культурная атмосфера складывается из великого множества общенациональных привычек, обрядов, традиций.

Казалось бы, какая разница - как поздороваться, какой вопрос задать при встрече? Назвать старшего на "вы" или на "ты"? Подумаешь, пустая условность! Но в том-то и дело, что условность никогда не бывает пустой. Она всегда наполнена содержанием. Тем или другим.

Скажем, нашим школьникам даже в голову не придет "тыкать" учителю. А вот американскому мальчику который уже целый год прожил в России и прекрасно знает, что значит "вы" и что значит "ты", все равно непонятно, зачем обращаться к взрослому на "вы". Условность? Мелочь? На первый взгляд, да. Но за ней стоит целая система отношений.

Разве можно себе представить в нашей школе сцену, которую мы видели в одном американском фильме?

Учительница приходит в класс. У нее только что трагически погиб отец (его зверски убили). Она ведет урок. Очаровательные дети лет семи-восьми доброжелательно ее слушают. Внезапно веснушчатая девочка поднимает руку, встает и спрашивает:

- Правда, что твоего папу убили?

- Правда, - с невозмутимой улыбкой отвечает учительница.

Довольная ответом девочка садится, а учительница продолжает объяснять урок. Через пару минут малышка опять тянет руку:

- Послушай, а как именно его убили: из ружья или из пистолета?

- Его зарезали ножом, - спокойно удовлетворяет детское любопытство учительница...

Условности создают условия. В данном случае условия обучения, которое у нас немыслимы без иерархии "учитель-ученик" (недаром педагоги не любят сами натаскивать своих детей, а предпочитают нанимать репетиторов).

А вот еще пример. И для большей последовательности в том же "американо-русском" ключе.

Что говорит девочка, оказавшись у постели матери, только что перенесшей тяжелую операцию?

- Как ты себя чувствуешь, мамочка? Тебе очень больно?

Это у нас.

А в Америке вполне любящая дочь (если не верите, посмотрите американские фильмы!) спросит:

- Ну как, мам? С тобой все в порядке? И тут же начинает говорить о совершенно посторонних вещах.

Ну а это уже не из фильма; У нашей знакомой русской женщины, волею судеб оказавшейся в Америке, скоростижно умер муж. На следующий день после похорон она вышла на работу. И сослуживцы, осведомленные о ее трагедии, участливо поинтересовались:

- Ольга, у тебя все о'кей?

- А теперь мы поинтересуемся: вам захотелось бы в ответ на такое участие поделиться своим горем, как принято у нас?.. (Заметим в скобках, что у американцев и не принято жаловаться и вообще изливать душу. Не только сослуживцам - даже близким друзьям.)

Случайно, что в одной стране, у одного народа одни культурные устои, а в другой стране, у другого народа - иные? Конечно же, нет. За множеством условностей проглядывает определенный национально-культурный архетип - та первооснова, те фундаментальные черты, которые роднят самых разных людей, живущих в одной стране и говорящих на одном языке.

Спрашивается, зачем мы завели об этом речь? Зачем влезли в такие дебри? При чем тут дети и их воспитание?

А вот при чем: по мнению того же Юнга, если не принимать во внимание опыт архетипов, если пренебрегать традициями, то "архетипические образы могут вторгнуться в сознание в

самых примитивных формах и в результате привести к тяжелейшей патологии личности". Вторжение коллективного бессознательного, как считал Юнг, ведет к индивидуальным и коллективным психозам, ибо "душа народа есть лишь несколько более сложная структура, чем душа индивида".

Сегодня этот разговор актуален для каждого из нас, ведь наступило такое время, когда под лозунгом экономических и политических перемен в России происходит нечто гораздо более серьезное: попытка разрушить национально-культурный архетип. (Хочется верить, что по недомыслию.) В следующих главах мы остановимся на конкретных архетипических особенностях, которые, как нам кажется, сейчас в наибольшей опасности.

А здесь мы бы хотели сказать, что такое в истории уже было (чего в ней только не было!). Вспомним хотя бы Петра I с его стремлением завести все по голландско-немецкому образцу. Или XIX век, когда образованная часть русского общества фактически отказалась от своего родного языка и говорила исключительно по-французски.

Но постепенно многое из того, что казалось диким, немыслимым, вызывало, по словам Пушкина, "мятежи и казни", либо бесследно исчезало, либо преображалось и, уже не противореча архетипу, становилось неотъемлемой частью русской культуры. Таким примером, как американский картофель, ставший национальным русским блюдом - картошкой, несть числа.

И это вселяет оптимизм. Душа народа при всей своей кажущейся эфемерности очень прочна и устойчива, гораздо прочнее или устойчивее того или другого государственного строя или перестройки.

Но никто не считал и теперь никогда не сосчитает, сколько отдельных душ было покалечено в ту же петровскую эпоху. А сегодня - разве не видно даже невооруженным глазом, у скольких людей "едет крыша", как обострились психические болезни?

У детей же гораздо более хрупкая, более неустойчивая, более уязвимая психика, чем у взрослых. И как ни утешительно звучит поговорка: "Перемелется - мука будет" - всегда про себя думаешь: "Оно, конечно, перемелется, только бы ребенка моего пощадили мельничные жернова истории..."

Не будем себя обманывать: нормальное, то есть традиционное, воспитание сегодня дети могут получить только в семье. И на патетический вопрос:

"Если не я, то кто же?" - родители должны ответить со спокойной трезвостью: "Никто".

И постараться сделать все, что в их силах.

ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Шел 1989 год, самый разгар перестройки, и тогда (всего-то четыре года назад!) взгляды этой женщины казались чуть ли не крамольными. Мать двух сыновей - одному было семь, а другому четыре, - очень вдумчиво относилась к вопросам сексуального воспитания детей. Читала им "Детскую сексуальную энциклопедию" (каждому свой том, в соответствии с возрастом), подробно поясняя картинки. обстоятельно отвечала на любые вопросы и даже эти вопросы предвосхищала. Но самым, пожалуй, смелым было то, что, руководствуясь чьей-то авторитетной инструкцией, и мама и папа ходили по квартире нагишом в присутствии детей. "Пускай видят! Пускай привыкают! Чтобы не было нездорового интереса к этой сфере".

Сейчас подобная картина уже не поражает воображение. "Детская сексуальная энциклопедия", перевод с французского, во многих домах вошла в "круг семейного чтения". Необходимость раннего сексуального просвещения, призванного побороться с "нездоровым интересом", похоже, ни у кого не вызывает сомнения. Разве что традиция ходить нагишом пока не привилась. Видно, климат не располагает.

Когда речь заходит о каких-либо новшествах, в том числе и в вопросах воспитания, весьма полезно поинтересоваться, что называется, отдаленными последствиями. Ну что ж, в данном случае такая возможность есть.

Сексуальная революция в "цивилизованном мире" свершилась около тридцати лет назад. Срок вполне достаточный, чтобы сделать какие-то выводы.

Пятнадцать лет назад одна из нас, будучи в командировке в Минске, познакомилась с двумя психологами из ГДР, которые рассказали советской коллеге о последних завоеваниях прогрессивной педагогики: немецкая семья -отец, мать и дети - теперь ходят по квартире голыми, потому что это полезно для правильного развития детской сексуальности. (Переводчик, пользуясь тем, что немцы не понимали по-русски, весело добавил: "Они знаете какие дисциплинированные? Если наука велела - все как один будут ходить в чем мать родила!") А утром каждая девочка, начиная с пятого класса, получает от мамы перед уходом в школу противозачаточную таблетку. Вместе с утренней кружкой молока.

И вот в этом году к нам приехала очень милая дама, психотерапевт из Мюнхена. Она сообщила, что в Мюнхене есть специалист, которая, как и мы, занимается драматическими методами в психотерапии. Мы, конечно, заинтересовались и стали расспрашивать.

- Нет-нет, это не совсем то, что у вас. У вас дети и родители участвуют в театральном действе, а Барбара сама показывает в присутствии детей и взрослых пьесы собственного сочинения. О, конечно, это не просто пьесы, они должны определенным образом воздействовать на психику зрителей... Вот совсем недавно Барбара с огромным успехом демонстрировала сюжет о сексуальных связях родителей с детьми. О, для Германии это сегодня одна из актуальнейших проблем!

Мы не станем сейчас обсуждать, насколько актуальна такая проблема у нас. Кто-то скажет "Да!", кто-то будет это яростно отрицать. Во всяком случае, наше передовое телевидение уже посвятило кровосмешению целую передачу, где инцест рассматривался с психологической, социальной и юридической точек зрения.

Мы лучше зададим другой вопрос. Скажите, если можно (и даже необходимо, как уверяет нас сегодняшняя наука) муссировать с ребенком вопросы секса, рассматривать картинки, которые еще недавно были бы квалифицированы как порнографические, если можно вместе сидеть у телевизора, когда на экране демонстрируют половой акт, то почему, собственно говоря, нельзя логически продолжить эту цепь и от теории перейти к практике? Где пролегает граница между благотельным просвещением и уголовно-наказуемым развратом?

- Но ведь инцест был строжайше запрещен всегда, во все времена! - возразят нам.

Да, но этот строжайший запрет был сопряжен с множеством других, не менее строгих. Матери и в голову не приходило обсуждать с сыном, "как это происходит". У многих мусульманских народов отцы не раздеваются не только перед дочерью, но и перед наследником. В некоторых культурах сына довольно рано отделяли от матери, и с этого момента его воспитанием занимались другие люди.

Короче говоря, "антикровосмесительный" закон был логическим продолжением и венцом целого комплекса других табу на эту тему. Он не висел в воздухе, а был как бы крышей массивного здания. Конечно, нарушали его и тогда. Преступники вообще были во все времена. Но тогда задать вопрос: "А зачем он нужен, этот закон?" - мог только сумасшедший. Сейчас же, когда практически все остальные запреты отменены, подобный вопрос, к сожалению, свидетельствует скорее о здравомыслии.

Наши наблюдения показали, что в подавляющем большинстве случаев, когда родители увлекаются новациями в области сексуального воспитания детей, это приводит уже в детстве к самым разнообразным нервно-психическим нарушениям. Вернемся к той женщине, поклоннице прогресса, с которой мы начали свой рассказ. К нам она обратилась не от хорошей жизни. Старший, семилетний, сын страдал энурезом, а попросту говоря, был писуном, младший

занимался онанизмом, причем делал это на людях, при посторонних, и все попытки отвлечь его от этого занятия, переключить на что-то другое заканчивались истерическими срывами.

Психологи, правда, уверяли мать, что в этом нет ничего страшного. А один специалист, знаток зарубежной литературы, даже привел ей в качестве положительного примера американский роман, в котором мать восстанавливает утраченный было контакт с сыновьями-подростками, поведав им о том, как она в их возрасте занималась мастурбацией.

Наша отечественная мама, хоть и была готова на все для блага своих детей, но ее все же смущал один момент: она собиралась отдать младшенького в детский сад - пора было выходить на работу. Вдруг старомодные воспитательницы неправильно поймут "нормальные" проявления ее Коли?

Тщетно мы призывали мамашу тоже стать хоть немножко старомоднее. В ответ она ссылалась на весь могучий арсенал "четвертой власти" - от "Науки и жизни" до "Пионерской правды". Наконец, уже ни на что не надеясь, мы взмолились:

- Ну пожалуйста, ну хоть ради эксперимента спрячьте "Сексуальную энциклопедию" на дальнюю полку, разрешите старшему мальчику самому мыться в ванне, раз он вас стесняется, не ходите по квартире раздетой, да и детям не стоит бороться голышом.

Неожиданно мама среагировала на слово "эксперимент" (вероятно, благодаря ассоциации со словом "прогресс"). И согласилась!

А через некоторое время потрясение сообщила нам, что у ее детей почему-то, "сами собой", "на ровном месте" исчезли невротические симптомы.

Вообще странная, на первый взгляд, картина. Дети, такие, казалось бы, пластичные, такие восприимчивые и переимчивые, в вопросах пола проявляют удивительный, непонятный консерватизм. Любят, когда папа живет в семье, и не любят, когда взрослые целуются прилюдно. Очень четко делят поведение людей на "приличное" и "неприличное". Стесняются, если родители позволяют себе при них фривольные шутки. И совершенно не жаждут раздеваться в присутствии сверстников.

Попробуйте-ка спросить дочь, что она думает о девочке, которая в детской компании для потехи снимала штаны и демонстрировала голую задницу? А ведь сколько голых задниц дети сейчас видят по телевизору. И это же взрослые, авторитетные задницы. Но нет, не подражают маленькие ретрограды!

Другое дело, что дети не всегда решаются выразить свой протест открыто. Да и не всегда, находясь под властью мощного родительского авторитета, осознают, что именно их коробит и от чего им не по себе. И тогда это неосознанное неприятие "выходит боком" - тиками, страхами, энурезом, немотивированной агрессией. Разумеется, последняя фраза касается не только сексуального воспитания. В любом случае, когда авторитетное родительское влияние перерастает в авторитарный прессинг, ждите "побочных эффектов".

К вопросу о загадочности детского консерватизма. Нам-то он вовсе не представляется загадочным. Дети более естественны, чем взрослые, они ближе к природе, к первоначалу, то есть в них отчетливее проступает уже упомянутый нами архетип. Поэтому при всей психической пластичности ребенка, глубинный пласт психики с трудом поддается трансформации, всячески ей сопротивляется.

Русская культура (во всяком случае, христианский ее период, который длится вот уже второе тысячелетие) отличалась целомудрием, повышенной стыдливостью. Вспомним боярышень, которые всю жизнь сидели взаперти, сначала в отчем доме, потом в доме мужа. В петровские времена все как будто бы встало с ног на голову. Женщинам и девицам аристократического сословия введено было появляться на ассамблеях (так при Петре назывались балы) с обнаженными плечами и грудью и разговаривать(!) с кавалерами. Во Франции, между прочим, в это время процветали внебрачные связи, адюльтер был предметом светского обсуждения и частым сюжетом в литературе. А какой успех имела "Исповедь" Руссо, в которой вполне откровенно описываются сексуальные переживания юного героя!

Казалось, что Россия, сделав столь мощный рывок в сторону раскрепощения нравов, догонит и перегонит Европу. Однако этого не произошло, а в литературе появилась Татьяна Ларина ("Но я другому отдана и буду век ему верна..."), тургеневские барышни с их мечтаниями о неземной любви, Вера из гончаровского "Обрыва", для которой потеря невинности переросла в трагедию вселенского масштаба.

Что же касается народа, то на его укладе все эти "барские штучки" и вовсе мало отразились. По-прежнему после свадьбы вывешивали на всеобщее обозрение окровавленную рубаху, и по-прежнему соседи, если это "вещественное доказательство" не было предъявлено, мазали дверь опозорившейся новобрачной дегтем...

А сам свадебный обряд? Сплошные песни-плачи.

Плачут подружки, плачет мать, плачет сама невеста...

- Матушка, матушка, во двор гости едут!

Сударыня-матушка, на крыльцо восходят!

- Дитятко, дитятко, не бойсь -не пужайся,

Свет милое дитятко, я тебя не в ы д а м...

Это что, татары едут Забирать девушку в полон? Или, может, свои насильники хотят надругаться? Нет, в дом пожаловали не враги и не разбойники, а, казалось бы, столь желанные в семье, где "поспела" дочь, сваты! Чего ж тут плакать, чего бояться? Возможно, так проявляется страх покинуть родителей, войти в чужую семью? Безусловно, но ведь таков удел всех замужних женщин - и европейских, и азиатских.

Однако во всем мире на свадьбах поют веселые песни, и только в России традиционный свадебный обряд скорее напоминает погребальный. Хоронят, оплакивают, отпевают невинность, неутешно скорбят о ее утрате...

Наверное, многие обращали внимание на странную особенность нашего языка. С одной стороны, он такой богатый, на нем можно выразить все, что угодно, с самыми тончайшими нюансами. И вдруг в такой наиважнейшей сфере, как любовь - белое пятно, черная дыра. Нет слов для обозначения физической любви. Либо научные термины, либо непристойности. А нормальные, человеческие слова которыми так богат любовный словарь европейских народов, - отсутствуют. Случайно ли это? Конечно, нет. Правда, бывает, что нет слов, потому что нет явления. Но тут вроде с явлением все в порядке, а то бы мы все уж давно вымерли.

Значит, дело в чем-то другом. Эта тема в русском языке, а следовательно, и в русской культуре явно табуирована, запретна. А что обычно табуируется?

Нечто очень важное и грозное, внушающее трепет и благоговение, священный страх. Первобытные люди боялись назвать вслух животное, которое считалось прародителем их племени. Религиозные евреи никогда не произносят вслух имя Бога. В общем, словесный запрет налагается на священную, с а к р а л ь н у ю сферу жизни.

Сегодня, под лозунгом возвращения в мировую цивилизацию, эта сфера грубо попирается. А мы уже говорили, рассказывая об архетипе, как опасно трогать фундаментальные основы психики. Тут можно еще раз обратиться к нашей истории, на сей раз недавней.

В начале XX века передовая русская интеллигенция широко пропагандировала и свободную любовь, и браки втроем, и гомосексуальные отношения. То же самое делалось, к примеру, во Франции. С той только разницей, что во Франции не наступила вслед за этим эпоха полного отрицания сексуальной стороны жизни. А вот в России и мужчин, и женщин стали называть общим словом "товарищ". И в жизни, и в искусстве торжествовало невиданное ханжество. Например, измена жене приравнивалась чуть ли не к государственной. За развод человека могли запросто выгнать с работы. "Аморалка" обсуждалась на комсомольских, партийных и профсоюзных собраниях. Женщина стеснялась сказать, что она беременна. Воспитанные в таком духе родители неизбежно вступали в конфликт со своими подрастающими детьми. Много воды и слез утекло, много судеб было покалечено, пока все это

постепенно не пришло к относительной норме. Нет, не к всемирной - всемирной вообще не бывает. К традиционной, но с поправкой на время.

И вот теперь - новый виток "борьбы с предрассудками", с той только разницей, что в предыдущую компанию отрицалось естественное право людей на интимную жизнь, сегодняшние же прогрессисты отрицают естественную для русской культуры традицию интимности в вопросах секса.

Что же в этой ситуации делать родителям? И надо ли вообще что-то делать?

В который раз рискнем прослыть ретроградами, но все же выскажемся по этому поводу. Устранитесь. Постарайтесь, по возможности, не обсуждать с детьми "проблемы пола". Конечно, когда ребенок задаст вам прямой вопрос: "Откуда берутся дети?" - не обязательно рассказывать ему, что детей находят в капусте (хотя, если ребенку три-четыре года, то и в этой версии нет большого греха). Но ни в коем случае не читайте ему пространную лекцию по анатомии и физиологии человека. Уверяем вас: детское любопытство в этом вопросе отнюдь не столь велико, как вам кажется. Да и удовлетворить его ребенок может сейчас самыми разными путями.

- Ах, вот как?! Вы за то, чтобы он узнал такие важные вещи во дворе, в подворотне? Набрался черт знает чего от уличных "просветителей"?

Да, мы за это. Мы считаем уличное просвещение естественным и необходимым этапом духовного (да-да, как это ни парадоксально звучит!) развития ребенка. Во все времена "правду о любви" дети узнавали от более старших или шустрых сверстников. И всегда эта правда преподносилась в искаженном, скабрёзном виде. Однако наступал следующий этап, и юноша, который еще вчера, будучи подростком, писал на заборе матерные ругательства и рисовал непристойные картинки, влюблялся, переставал есть и спать, сочинял стихи и думал о предмете своей любви как о неземном, ангелоподобном существе... А потом юность сменялась молодостью, и уже "не мальчик, но муж", любивший теперь вполне земную жену и мать своих детей, в ярости кричал на сына, обнаружив в его тетрадке похабный рисунок...

Подростковый цинизм - это все равно как молочные зубы. В свое время они выпадут, и, казалось бы, зачем они нужны? А вот зачем-то нужны.

И потом, если вы думаете, что, прочитав ребенку вслух "Детскую сексуальную энциклопедию", можно избежать образования в "дворовых университетах", - вы глубоко заблуждаетесь! Все равно ваш сын (или дочь) поверит своим друзьям -наставникам, а не Вам. Взрослая жизнь всегда окутана для ребенка тайной, и если авторитетный друг или подруга скажут ему, что дети рождаются от поцелуя, детское мифологическое сознание с готовностью примет это за истину.

Сейчас вообще меньше всего следует волноваться о сексуальном просвещении потомства. Волноваться, увы, приходится о другом: сохранится ли при таком массивном, широкомасштабном, общегосударственном "наступлении на ханжество" радость первого поцелуя, трепет при виде любимой девочки, юношеское любовное томление (когда уже хочется, но еще нельзя), которое так необходимо для правильного, творческого формирования души? Будет ли просвещенному (а может растленному?) методическими пособиями поколению любовная близость представляться тайной, таинством?..

Один из самых "убойных" аргументов в пользу сексуального просвещения детей: чтобы не было ничего тайного, ничего запретного, ведь запретный плод сладок!

А вы что, хотите, чтобы этот плод стал для вашего ребенка кислым, горьким? Или, может, вовсе безвкусным? Но не захочется ли тогда "чего-нибудь рыбного"?

Посмотрите, что происходит в странах, где сексуальная революция победила, так сказать, "полностью и окончательно". Катастрофическое падение рождаемости, рост импотенции, процветание и все большее узаконивание однополый любви... Ну, допустим, падение рождаемости на Западе объясняют (хотя это очевидный парадокс) ростом благосостояния. Импотенцию - издержками прогресса, связанного с напряженным ритмом жизни. Но вот

педерастию ни на какой другой счет не спишешь. Традиционно запретный плод перестал быть запретным, следовательно, перестал быть сладким, и человека - так уж он устроен! - тянет переступить какой-то другой запрет.

Любовь перестает быть таинством - и неизбежно перестает быть таинством продолжение рода. Вот, к примеру, новая парижская (да и не только парижская!) мода. Официальные браки заключаются все реже. Но некоторые чадолюбивые холостяки находят специальную женщину, которая за деньги зачинает ребенка, вынашивает его, рождает, а потом исчезает навсегда. Как такси... Довезло до места - и привет!

То, что мы сейчас наблюдаем, можно назвать десакрализацией любви. И самым разрушительным, быть может, тут является не обнажение женского тела и даже не постельные сцены в литературе и на экране, а уверенное вторжение в разговоры о любви наукообразных терминов. Когда девочка-подросток, рассказывая своей подружке о свидании с кавалером, без запинки произносит слова "оргазм", "оральный и анальный секс" и т.п. - возникает ощущение чего-то непоправимого. Так могут говорить роботы, но не люди.

- Да, но ведь люди делятся на мужчин и женщин! - справедливо возразите вы. -И ребенок - это, между прочим, тоже будущий мужчина или будущая женщина. Что ж, прикажете, это от них скрывать?

Признаки пола подчеркивать в ребенке не только можно, но и необходимо. Только по-другому. Не рассказывая дошкольнику, как устроены мужчины и женщины ниже пояса, а давая понять их ролевые, психологические и социальные различия. Например, протягивая мальчику сумку с продуктами и говоря:

- На, понеси, а то мне тяжело. Ты ж мужчина! Или приучая его уступать в транспорте место не только старушкам, но и вообще всем женщинам:

- Мало ли, что взрослые дяди сидят... Значит, они не настоящие мужчины. А ты у меня - настоящий.

Девочке, воспитывая в ней аккуратность, полезно говорить, что эта черта присуща в основном, и в особенности, женщинам. Хорошо, когда отец, придя с работы и узнав от жены, что их малолетняя дочь подмела на кухне пол, восклицает:

- Вот что значит в доме женщина растет!

Подобных примеров можно привести сколько угодно, но и так понятно, что мы имеем в виду.

И еще одно соображение. Нам оно кажется очень важным, но о нем как-то совсем не принято говорить. Многие родители признаются нам в том, что и они, и их дети испытывают "странную" неловкость при обсуждении интимных вопросов. Но, вконец замороченные глупой пропагандой, объясняют это все тем же "совковым" ханжеством.

Неправда, дело не в ханжестве. Сколько можно называть ханжеством нормальный стыд?! Такая неловкость совершенно естественна. Это включается подсознательный защитный механизм. Это краской стыда вспыхивает сигнал запрета: нельзя! инцестуальный барьер! Ибо постельная тематика в разговоре матери с сыном или отца с дочерью - это своего рода инцест. Пусть не физический, а психологический, но тоже уродующий душу.

- А вот американцы очень откровенны со своими детьми - и ничего! Нормальные дети, нормальные отношения...

Нормальные, быть может, но это американская норма. Помните мальчика Яшу из фельетона Ильфа и Петрова? Он сидел на собрании писателей, а писатели обсуждали создание коллективной эпопеи из жизни, кажется, колхозной деревни. Не по годам развитый Яша слушал это обсуждение со всей присущей ему серьезностью и время от времени выкрикивал взволнованным детским голосом:

"Главное - избежать психологизма, как у Флобера!" А писатели ему в ответ: "Не бойся, мальчик, как у Флобера - не получится". Яша не унимался: "Главное - избежать комикования, как у Чаплина!" И снова ему отвечали: "Не бойся, мальчик, как у Чаплина - не получится".

Так вот: как у американцев - не получится. Ни с сервисом, ни с сексом. Есть один тест. Психолог рассказывает пациенту какую-либо историю, а пациент должен ее завершить. Этот тест так и называется: "Незавершенный рассказ". Как, по-вашему, завершится такая история: отец развратил шестилетнюю дочь и сожительствовал с ней на протяжении нескольких лет. Однажды в комнату "не вовремя" заглянула мать... Ну? Что вам приходит на ум? Или кровь стынет в жилах и ум отказывается сочинять продолжение?

Не скроем, вы не первые, кому мы предлагали этот тест. Обычно после первой реакции ужаса мы слышим ответы, в которых звучат слова "рыдания", "убийство", "самоубийство", "травма на всю жизнь", "возмездие", "Божья кара", "страшнее ничего не бывает"... Кто поначитаннее, тот вспоминает изломанную, исковерканную душу Настасьи Филипповны из "Идиота" (хотя над ней надругался в отрочестве не отец, а опекун Тоцкий).

Сюжет этого "незаконченного рассказа" мы почерпнули все из той же телепередачи, посвященной инцесту, в которой среди прочего демонстрировался американский документальный фильм на эту тему. Только там рассказ был закончен. Знаете, как? Отец отсидел полгода в тюрьме, а потом... потом вся семья прошла специальный курс психотерапии, и благодаря этому была сохранена. Крупный план в конце фильма: счастливые отец, мать и дочь сажают розы на клумбе около дома и лучезарно улыбаются в объектив.

Не правда ли, очаровательный хеппи-энд? Ну что ж, тогда COOD-BUY!

ЕСЛИ ПРЕДРАССУДОК НЕ СДАЕТСЯ, ЕГО... УВАЖАЮТ

Почему-то принято считать, что предрассудок - это очень плохо. Как обычно говорят: "Глупые предрассудки", "идиотские", "стариковские", "нелепые", "деревенские". И никто никогда не скажет:

- Какой чудесный, какой умный предрассудок!

В самом этом слове уже содержится отрицательный оттенок. Но давайте попробуем отрешиться от стереотипа и задумаемся в смысл слова "предрассудок". "Пред-рассудок", то есть перед рассудком, прежде рассудка, до, раньше рассудка, опережая рассудок... Иначе говоря, это предсознание.

Сегодня уже самые отъявленные скептики не решаются спорить с тем, что сознание - это лишь часть огромного айсберга. И предсознание, конечно же, имеет очень большую силу, хотя мы часто не отдаем себе в этом отчета.

Львиная доля предрассудков относится к разряду народных и, говоря о них, принято усмехаться и пренебрежительно махать рукой.

- Знаем, слышали! Обойдемся!

И обходимся. Сколько было негодующих возгласов и старушечьего шипенья, когда в 60-е годы в моду входили мини-юбки.

- Что ж ты делаешь?! Срам-то какой! - причитала бабка.

- Да сейчас все так ходят, бабушка! Отстань ты со своими предрассудками! - отвечала внучка, выпархивая на улицу.

И оказалась права. Все так ходят... Хотя... все да не все! Обычно, выйдя замуж, женщина с удовольствием меняет броское и вызывающее "брачное оперение" на более спокойную, традиционную одежду. А ведь сейчас никто не запрещает даже бабушкам наряжаться в мини!

Или, скажем, раньше считалось, что женщина, обзаведясь семьей, должна заниматься только хозяйством и воспитанием детей. Очень успешно справились с этим предрассудком! И множество женщин отдавало своих грудных детей на пятидневку. (К счастью, и здесь можно сделать оговорку. Анализируя анкеты, которые заполняют обращающиеся к нам за помощью родители, мы все чаще и чаще в графе "Профессия матери" читаем: "Домохозяйка".)

Однако есть предрассудки особо стойкие. Сколько с ними ни бейся - ничего не добьешься. После революции новая власть объявила предрассудком религию. Проводили "безбожную пятилетку", сносили храмы, запрещали ходить в церковь...

И все же люди тайно крестили детей, молились и исповедовались (в основном старухи, которым нечего было терять, но ведь и здесь происходила "непрерывная смена поколений"). А про Пасху и говорить нечего! Даже секретарь обкома в Пасхальное воскресенье с аппетитом вкушал освященный старушкой матерью кулич, а его дети с азартом "лупились" крашеными яйцами.

Теперь найдена новая мишень. "Большевики внушали народу, что стыдно быть богатым. А ведь все как раз наоборот! Стыдно быть бедным!"

Сразу оговоримся: мы тоже росли в этой стране, но как-то не припомним, чтобы детям внушалась установка "стыдно быть богатым". Стыдно быть жадным - да. Стыдно обижать слабых. Стыдно предавать друзей.

Впрочем, у каждого свои воспоминания...

Но, конечно, нельзя отрицать, что к богатым и к богатству в России было специфическое отношение, причем отношение очень сложное, которое одним словом не выразишь. Тут и ненависть, и зависть, и подобострастие, и высокомерное - не по чину - презрение. Но в основе - ничего не поделаешь! - безусловно, лежит неприязнь.

А неужто и впрямь большевики такие всеильные? За каких-то семьдесят лет сумели внушить многомиллионному народу, который на протяжении всей своей многовековой истории обожал здоровое предпринимательство, люмпенскую психологию? Народу-рыночнику - антирыночные настроения? Демоны - да и только! Сказочные злодеи...

Кстати, о сказочных злодеях. (Сказочная тематика близка нам и потому, что мы пишем для детей, и потому, что работаем с детьми. И потому, что в сказках, как в зеркале, отражается душа народа.) В русских народных сказках фигурировали другие злодеи. В одних Кощей Бессмертный, Баба Яга, Змей Горыныч. В других в качестве злодеев выступали богачи и жадины. Не будем заниматься утомительным перечислением - перечислять пришлось бы очень много, - вспомним лишь одну общеизвестную сказку. "Золотая рыбка" (ее больше знают в переложении Пушкина под названием "Сказка о рыбаке и рыбке"). Неумная жадность старухи, жажда все большего обогащения и власти воспринимаются анонимным сказителем как нечто греховное, а потому заслуживающее кары - разбитого корыта.

И совершенно противоположная идея заложена в популярнейшей европейской сказке про Кота в Сапогах. Здесь жажда обогащения, сопряженная с хитростью и предпринимательской хваткой, не только не наказывается, а явно возводится в ранг добродетели. Более того, Кот в Сапогах выглядит настоящим героем!

А вот герой русской сказки Никита Кожемяка. Он нередко появляется и в русских былинах.

- Никита Кожемяка, - говорится в конце, - сделавши святое дело, НЕ ВЗЯЛ ЗА РАБОТУ НИЧЕГО, пошел опять кожи мять.

Но, может быть, народ был забит и темен и не понимал своего счастья? А потом, наконец, до него дошло? Если так, то это непременно должно было отразиться в произведениях наших "властителей дум"... Так... Пушкин... "Станционный смотритель"... Не подходит. Германн из "Пиковой дамы"... Плохо кончил... Лермонтов... Лермонтова вообще интересовали совсем другие проблемы... Постойте, есть! Гоголь! Павел Иванович Чичиков - вот уж натуральный гений предпринимательства. Можно сказать, буревестник капитализма в России. Только как-то не похоже, чтобы Гоголь им восхищался и ставил нам в пример. Уж больно он карикатурен, этот скупщик "мертвых душ". Да и затея его в конце концов провалилась.

Но пойдем дальше. Некрасов... Ну, тут одни "Размышления у парадного подъезда" чего стоят! Нет, отъявленный враг богачей... Достоевский - тот известный певец "униженных и оскорбленных" да "бедных людей". У Островского даже пьеса называется "Бедность не порок".

Толстой, Тургенев, Чехов... Надо же, ну никто не воспел богатство, частную собственность и деловую хватку!

Допустим, это литература. Вымысел. А жизнь выдвигает других героев. Ау! Где ты, русский Рокфеллер, Форд, Ротшильд?.. Минин и Пожарский есть. Суворов и Кутузов есть. Есть, конечно, и Савва Морозов, и Савва Мамонтов, и Третьяков, и Щукин. Но они запомнились не нажитым богатством, а истраченным. Один тратил свои миллионы на революцию, три других содержали художников и создавали галереи.

Ладно, это все дело прошлое, а "новое поколение выбирает пепси"... Так давайте послушаем, что говорит это новое поколение. Причем не молодежь, а мелюзга лет пяти-шести. Эти дети родились уже в перестроечную эпоху, в эпоху кардинальной смены лозунгов и установок.

В 1993 году группа социологов Института философии и права Уральского отделения РАН провела опрос в детском саду. Опрошено было 253 ребенка. 49% детей назвали богатых своими врагами.

- Богатые деньги воруют и никому не дают, - поясняют дети.
- Зато бедные и нищие пользуются большим авторитетом (86% детей).
- Бедные всегда добрые.
- Бедные никогда не ссорятся, если только не опьянеют.
- Бедные не рубли, а копейки просят!
- Бедные ничего плохого людям не делают, а сидят и собирают.
- У бедных нет денег, и им не на что купить оружие. (Чувствуете влияние времени?)
- У нас дома есть Библия, я посмотрел - им сам Бог помогает.

А ведь сейчас детям со всех сторон внушают совершенно другие идеалы! Одно из самых действенных средств такой пропаганды - это, конечно, мультфильм. Диснеевский мультсериал "Утиные истории" целиком посвящен теме обогащения. Ради золота герои готовы отправиться куда угодно: в прошлое, в будущее, в дебри Амазонки, на морское дно. Наши же дети готовы с утра до ночи следить за их приключениями.

Но спросите: как они относятся к дядюшке Скруджу, который явно задуман авторами как пример для подражания? (Утята, проекция американских детей, часто восклицают: "Когда я вырасту, я буду таким же, как дядюшка Скрудж!")

Вот типичный ответ нашего ребенка:

- Дядюшка Скрудж?... Нет, вообще-то он мне не очень нравится... Он богатый, жадный, купается в деньгах...

- Совковая психология! - презрительно скривится либерал.

Ну, во-первых, надеемся, что мы достаточно убедительно показали гораздо более ранние истоки этой психологии. А во-вторых, относиться к ней можно по-разному. Дело вкуса. Австрийский психолог, которому мы рассказывали о принципах нашей работы, с завистью воскликнул:

- Вам повезло! Вы можете опираться на желание русских детей стать лучше. Наши дети, к сожалению, мечтают только об одном: стать богаче.

Нет, почему же?! И здесь малыши не прочь разбогатеть. Тем более что вокруг сейчас столько соблазнов: "Сникерсы", бананы, иностранные игрушки... Но и желание разбогатеть тут какое-то своеобразное.

- Я хочу быть богатым только наполовину и отдавать все остальное бедным. (Из того же социологического опроса.)

При всем разнообразии этих высказываний ни одно из них не вызывает недоуменного пожатия плеч: дескать, откуда? Все они вписываются в традиционное для нашей культуры отношение к богатству и наживе.

Любопытно, что даже маленькие воришки (а нам сейчас часто приходится работать с детьми, у которых среди прочих симптомов есть и воровство) в подавляющем большинстве

случаев воруют не столько для того, чтобы владеть, сколько для того, чтобы на украденные деньги закупить жвачек, леденцов и проч. и РАЗДАТЬ их ребятам во дворе или в классе.

Разумеется, они это делают небескорыстно. Ими движет жажда самоутверждения. Однако и престиж можно завоевать по-разному. Том Сойер, которому поручили побелить забор, ПРОДАЕТ это право окрестным мальчишкам и становится героем дня.

"К полудню Том, - пишет Марк Твен, -из жалкого бедняка, каким он был утром, превратился в богача, буквально утопающего в роскоши... Если бы известка не кончилась, он разорил бы всех мальчишек этого города".

Интересно, что и мы, читая этот эпизод, добродушно улыбаемся: "Надо же, какой предприимчивый малый!.." Но перенесите его в наш московский или калужский двор, назовите Васей - и умиления как не бывало!

"Надо же, какой барыга! - подумаете вы. - И откуда он такой взялся?!"

Не вызывают же у нас умиления "деловые" школьники, которые продают одноклассникам конспекты или даже дают списывать за деньги.

Очарование Тома Сойера - в том числе и эпизода с забором - связано с тем, что этот мальчик органично вписывается в родную американскую культуру. И не просто вписывается. Он есть как бы ее символ, ее национальный герой.

ОРГАНИЧНОЕ соответствие поведения человека нормам традиционной нравственности - важнейший ориентир в воспитании. Более того, мы абсолютно уверены, что это не столько этический вопрос - этика сейчас размыта - и не вопрос вкуса - мы уже говорили, что о вкусах не спорят. Это залог ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ.

Не будем долго теоретизировать, остановимся только на двух моментах.

Во-первых, традиционная нравственность - это гранитные берега, которые не дают разлиться бурной реке бессознательного. Это устои, а устои для того и существуют, чтобы придавать устойчивость, стабильность человеку и обществу. Неправда, что дети не любят дидактику. Они не любят занудство, а дидактику обожают, если ее преподносить в мало-мальски занимательной форме.

Разрабатывая вариант своей методики для дошкольников, мы придумали, что у нас будут такие нравоучительные персонажи: брат и сестра примерные (Иванушка и Аленушка) и скверные (Катька и Петька). Мы показываем детям небольших кукол и разыгрываем с ними весьма незатейливые истории на темы "доброта-злоба", "щедрость-жадность", "лень-трудолюбие" и т.д.

Мы задумывали эту игру лишь как введение, как прелюдию к более серьезному воздействию на психику пациентов. Но на практике очень быстро выявилось другое. Дети всегда с нетерпением ждут, когда мы откроем домик-сундучок, где живут эти персонажи. И дидактические истории стали одним из важнейших инструментов нашей психокоррекционной и диагностической работы.

Первое время мы полагали, что "Иванушка-Аленушка" хороши лишь для дошкольников. Но мы и здесь ошиблись! Семи-, восьми-, даже девятилетки слушают наши рассказы, затаив дыхание, и так сопереживают, словно им показывают захватывающий приключенческий фильм.

И второе соображение. Ребенок, воспитанный вне традиции, будет чувствовать себя дискомфортно еще и потому, что окружающие -и дети, и взрослые - будут смотреть на него в лучшем случае пренебрежительно-отчужденно, а в худшем - с откровенной враждебностью. И это неминуемо скажется на психике, на мировосприятии, на судьбе.

Мама двенадцатилетнего Гриши З. жаловалась на плаксивость, раздражительность и агрессивность своего сына, на то, что он не хочет ходить в школу, а также на разнообразные навязчивые подергивания (тики). Когда мы увидели Гришу, нас поразило прежде всего несоответствие его внешности и того, что мы о нем слышали. Надо сказать, что мы, в отличие от многих, не согласны с идиомой "обманчивая внешность", а напротив, согласны с

Ларошфуко, который сказал, что "внешность обманывает только дураков". По-русски недаром "лицо" и "личность" - однокоренные слова. Лицо - проекция, отражение личности.

Так вот, лицо у этого мальчика было доброе и какое-то светлое. На нем не лежало ни малейшей тени агрессии. Но когда он, зайдя за ширму, показывал сценки про школу, про своих "врагов", можно было схватиться за голову. Интонации его тут же менялись, приобретали почти уголовный оттенок. Он из кожи вон вылезал, чтобы казаться "крутым парнем". Мать подтвердила, что отец всячески поощряет эти его стремления. Ее, правда, шокировали некоторые выражения сына... Зато когда он принялся во всеуслышанье рассуждать о том, что "заповеди теперь отменила теперь главное деньги, доллары", мама, сидевшая за спиной Гриши, одобрительно закивала. А по нашей маленькой, жарко натопленной комнате сразу пробежал холодок отчуждения и враждебности. После этого к мальчику резко изменилось отношение и со стороны детей, и со стороны взрослых. И это на наших занятиях, где мы тщательно следим за созданием доброжелательной атмосферы, где конфликты детей - это ЧП! Что же говорить о школе, где рядом нет ни мамы, ни других взрослых, которые в любую минуту защитят?! Да и детей не семь, а двадцать семь!

Еще раз подчеркнем, что нутро у этого мальчика было хорошее и здоровое. Все его поведенческие отклонения и невротические симптомы были результатом воспитания которое вступало в конфликт с традиционными нормами. Будь Гриша более толстокожим, он бы как-то с этим справился, нашел бы себе "экологическую нишу" (связался бы с хулиганами или, наоборот, гордился бы своим одиночеством, считая, что никто ему не ровня). Но у него была как раз нежная кожа, и эта кожа покрывалась испариной под такой грубой маской.

Мы говорили Гришиной маме, что "крутым" бизнесменом (как Папа) ему лучше не быть, это его еще больше невротизирует и искалечит. Что поделаешь, если душа у него другая?! Она смотрела на нас, как на динозавров, а потом наконец терпение ее лопнуло, и она воскликнула:

- Да какая душа?! О чем вы говорите? В наше время деньги нужны, а не душа!

Вот только взгляд у нее при этом был какой-то затравленный и напряженный. У людей, уверенных в своей правоте, совсем другие глаза...

Только не впадайте в противоположную крайность, не будьте "мальчиком наоборот". Не надо в противовес сегодняшней накачке внушать ребенку, что деньги - мусор, что думать о деньгах и связанных с ними удовольствиях позорно. Это ведь тоже неправда. На самом-то деле очень хорошо, когда человек свободен от мыслей о куске хлеба и может купить то, что ему понравится.

И уж совсем недопустимо формировать в ребенке комплекс бедного человека, сто раз на дню повторяя:

- Мы не можем себе этого позволить. Мы нищие и т.п.

Не можете купить одно - постарайтесь купить другое, что сможете. А о невозможности скажите шутливо. Не лишайте ребенка надежды когда-нибудь получить то, что он хочет (даже если вы знаете, что этого никогда не произойдет). Всегда же можно сказать:

- Ты знаешь, сынок, сейчас мы на мели. Потерпи немножко. Глядишь - что-нибудь и придумаем.

В бедности не должно быть пафоса. Это, как и богатство, не предмет гордости. Сейчас, когда расслоение в обществе становится все заметнее, есть большой соблазн "из воспитательных соображений" объявить себя нищими и противопоставлять "честную бедность" богатству, нажитому несправедливым путем. Тем более что мы, выросшие на этой земле, вообще склонны впадать в крайности.

И вот сидит за столом семья. Все одеты-обуты. Отдельная квартира. Холодильник, телевизор, магнитофон. В выходные уезжают на участок. Справляют дни рождения. Ходят в гости с подарками. И не устают твердить:

- Что у нас есть?! Ничего! Ничего мы не нажили за свою жизнь! Не умеем мы... Мы не из таких... Нищие мы, нищие... Нищими родились, нищими и умрем.

И как только люди Бога не боятся гневить такими причитаниями? Разве настоящая нищета ТАКАЯ? Разве не видели они по телевизору эфиопских детей с раздутыми от голода животами? Разве не знают, что настоящие бедняки живут в картонных будках, с земляным полом, без ванны, туалета и даже электричества, спят вповалку на одном матрасе, едят жидкую похлебку из чего попало. И ложась вечером спать, далеко не всегда уверены, что завтра им удастся поесть даже эту бурду... Вообще очень полезно почаще вспоминать, что между двумя крайними степенями того или другого качества (богатство - нищета, щедрость - жадность, счастье - горе) существует множество градаций.

Ребенку же навязчивая манифестация нищеты наносит непоправимый вред. У такого ребенка формируется психология жалкого, всеми униженного и обиженного "маленького человека". А ведь такой человек только в фильмах Чаплина да в романах Диккенса кажется трогательным. В жизни он страшен. Он с детства усвоил, что в мире все для богатых и сильных, а он жалкая букашка, с которой можно сделать все, что угодно. Поэтому кровь его, отравлена завистью, ненавистью и страхом. Такой Человек несчастлив сам и за это считает себя вправе делать несчастными окружающих.

А бывает и другой вариант. Ребенок с более сильной волей может не выдержать такого психологического гнета, такой беспросветности и взбунтоваться. Но это будет не тот нормальный подростковый негативизм, который принято называть "трудностями переходного возраста", а разрушительный, искажающий личность бунт Сына против Отца. Бунт по типу "гибель богов". Ибо родители для ребенка - боги. А боги не могут себе позволить быть бессильными и несостоятельными. (Именно поэтому нельзя говорить ребенку: "Мы Н И КО Г ДА не разбогатеем"). Богов в Крайнем случае может посещать временное бессилие. Иначе их низвергают и назначают новых или ЗАНИМАЮТ ИХ МЕСТО.

- Ага, вы нищие?! Вы слабые? Ну и считайте свои проклятые копейки! У меня будет другая жизнь! Я докажу... Я добьюсь... Я далеко откачусь от яблони. Так далеко, что все забудут, НА КАКОЙ ЯБЛОНЕ Я ВЫРОС.

И он доказывает. Он добивается. Но даже построив хрустальный дворец и "откатившись" за тридевять земель, он никогда не будет счастлив. Потому что нарушение иерархии "родитель-ребенок" приводит к тягчайшим деформациям личности.

- Но ведь совершенно нормально мечтать о том, что ребенок добьется большего, осуществит то, чего мы не смогли!

- Для вас, РОДИТЕЛЕЙ, нормально. НО для него, Р Е Б Е Н К А, вы должны навсегда остаться нерушимым идеалом. Идеалом доброй силы и всегда откуда-то берущихся возможностей. Это чувство может быть совершенно иррациональным (к примеру, сын - академик или директор крупного концерна, а родители - два старых, немощных пенсионера). Но мы же писали, что ratio, разум - это лишь часть айсберга. Все наши глубинные чувства с трудом выдерживают проверку рассудком, а значит, иррациональны.

А вот отношение к деньгам лучше, чтобы было РАЦИОНАЛЬНЫМ и ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ. Без плюшкинской скупости и ноздревской гульбы. Есть деньги - хорошо, нет - тоже не беда. Деньги - это, действительно не главное. В нашей традиции. Как говаривал мистер Твистер:

- Ты не в Чикаго, моя дорогая.

Да, в Америке другое отношение к деньгам. (Мы так часто упоминаем Америку вовсе не потому, что у нас нет других примеров для сравнения. Мы это делаем вполне сознательно, ибо любимый русский миф о "рае на земле", отождествлявшийся вчера с коммунизмом, сегодня нашел новое воплощение - Америку. Но миф, овладевающий массами, приводит к национальным катастрофам, считал Юнг.)

Объяснившись, продолжим. Один из основополагающих принципов американской жизни: как можно больше зарабатывать, чтобы потом на заработанные деньги как можно больше

качественно наслаждаться, получать разнообразное удовольствие. Прямо как в популярной некогда песне:

- Мы славно поработали и славно отдохнем.

Но по признанию самих американцев, это бешеное зарабатывание денег так изматывает, что сил получать наслаждения уже не остается. Одновременно происходит искусственная - на наш взгляд - эскалация потребностей. Разве нужно человеку так часто менять одежду, машины, дома? Это ведь тоже иррационально. Но самое интересное другое...

Как вы думаете, какой вопрос является запретным в современной американской культуре? О чем никогда не говорят эти, казалось бы, совершенно свободные люди? Они все обсуждают без малейшего стеснения: секс, работу желудка, религиозные переживания, интимную жизнь политических деятелей, свои мысли и ощущения в связи со смертью близких... Но есть один вопрос, который задавать нельзя. Неприлично! Об этом даже частенько предупреждают наших туристов, чтобы они случайно не опростоволосились. У американца не принято спрашивать, сколько он зарабатывает. Эта тема табуирована. Да-да, старые и даже древнейшие табу отменены, зато появилось новое. А что табуируется? Вспомните! Правильно. То, что жизненно важно, внушает священный трепет, сакрально, священно.

Будем надеяться, что в России национально-культурный архетип достаточно силен, и деньги так и не станут "священной короной".

Основания для надежды нам дает в том числе и такое наблюдение. Даже те дети, которые пугают родителей своими ненасытными требованиями купить им и то, и другое, и третье, на самом деле, как правило, не страдают истинной алчностью. В действительности они жаждут тепла, любви, признания, сочувствия и, не получая их в достаточной мере (хотя родителям может казаться, что дети их заласканы), требуют "материальной компенсации".

Если ваш ребенок часто бьется в истерику по поводу новых кроссовок или дорогой игрушки, прежде всего проанализируйте - только честно - свою семейную ситуацию. Может быть, вы (или второй родитель) слишком часто принижаете его, то и дело ставите кого-то в пример, раздражаетесь? А может, у вас есть другой ребенок, которого вы - невольно, конечно, - любите больше?

Всякое в жизни бывает. Бывают, наверно, и дети с какой-то врожденной страстью к обогащению. Но в нашей достаточно обширной практике мы с такими еще не сталкивались. Обычно если психологический "рецепт" выписан правильно и душевное самочувствие ребенка налаживается, то и симптомы "золотой лихорадки" проходят сами собой.

НЕ ПО ХОРОШЕМУ МИЛ ...

Тему, которую мы хотели бы сейчас затронуть, нам подсказала одна мама, хотя сама она не подозревает о своей вдохновляющей роли.

Это случилось недавно. Она привела к нам на консультацию своего двенадцатилетнего сына. Мы задали традиционный вопрос:

- Что вас беспокоит?

Она принялась перечислять:

- Замкнутый, очень стеснительный, глаза на мокром месте... И все так близко к сердцу принимает! Мы с моей мамой частенько ругаемся - знаете, старый человек, - так он места себе не находит. "Мама, - говорит, - зачем ты бабушку обижаешь? Она ведь совсем беспомощная, неужели тебе ее не жалко?"

Женщина замолчала, но мы чувствовали, что ей еще хочется чем-то поделиться. И помогли вопросом:

- Больше ничего?

И тут она, до этого говорившая достаточно спокойно, сделалась пунцовой и сбивчиво затараторила:

- Ой, вы знаете... Даже не знаю, как вам сказать... Главное - все хуже и хуже... Уж я и так, и сляк, и угрозами, и уговорами... Ничего не помогает... Даже обостряется... Может, переходный возраст?

Мы (уже нетерпеливо, в два голоса):

- Да что? Что? Скажите толком, не стесняйтесь! (Мы призвали ее не стесняться, потому что заподозрили у ее сына какой-то тайный порок, о котором она не в силах говорить даже со специалистами.)

И наконец, потупившись, она еле слышно пролепетала:

- Ну, в общем, у него... патриотизм...

Вымолвив с таким трудом это страшное слово, мама немного успокоилась и добавила:

- Боюсь я за него. Не представляю, как он, такой, жить будет? В наше-то время...

Все это звучало настолько анекдотично, что когда за женщиной закрылась дверь, мы расхохотались. А потом задумались... И чем больше мы думали, тем меньше нам хотелось смеяться. Через некоторое время решили включить разговор о патриотизме в цикл бесед с родителями наших пациентов. А сейчас мы уверены, что об этом стоит сказать всем родителям.

Еще недавно от казенного патриотизма тут некуда было деваться. Песни, лозунги, газетные заголовки, фильмы, плакаты, уроки патриотического воспитания в школе... Теперь пропагандистский маятник откатнулся в другую сторону. Наша история - сплошная роковая ошибка, мы самые отсталые, у нас рабская психология, Россия - проклятая, обреченная страна, и было бы великим счастьем, если бы хоть какая-нибудь мало-мальски приличная, цивилизованная держава взяла ее под свою спасительную опеку: все равно мы сами ничего не умеем...

Мы не собираемся в книге, посвященной воспитанию детей, обсуждать этические или политические стороны этой проблемы. Мы хотим затронуть другой аспект: психическое здоровье.

Не будучи полиглотами, мы не можем поручиться за все языки земного шара. Но во всех европейских языках в слове "родина" содержится или слово "мать" или слово "отец". "Patrie" по-французски, "Patria" по-испански, "Faterland" по-немецки, "Motherland" по-английски...

А в русском языке даже два родителя: отец (Отечество) и мать (во-первых, "родина" от слова "рожать", а во-вторых, чтобы уже не осталось никакого сомнения, очень часто пишется через черточку: "Родина-мать").

Однокоренные слова. И на этом едином корне произрастают два очень близких чувства: любовь к матери (отцу) и любовь к Родине.

Психиатрам хорошо известно, что равнодушие к матери и уж тем более ненависть - это свидетельство очень серьезного душевного расстройства.

- А если мать - настоящий изверг? Если она вообще не мать, а кукушка? Вон сколько в детдоме брошенных детей! Что ж, и такую ребенок должен любить?

Не должен, но представьте себе: любит. И ждет, и надеется, и переживает, если о ней дурно говорят.

А если и отрекается в сердцах или никогда не упоминает о ней, делая вид, что мать ему не нужна, то для него это все равно глубокая, незаживающая рана.

Чувство патриотизма, как и то, о чем мы говорили в двух предыдущих главах, было всегда в России, как, впрочем, и во всем мире, культурной нормой. Не говоря уж о том, что это норма не только культурная, а даже биологическая.

Любовь к своему дому, к своей земле, к своей стране и народу - нормальное, здоровое чувство. В него включено очень многое: от возвышенных переживаний сопричастности до самых земных привычек, в том числе и гастрономических. Недаром, вернувшись из зарубежной поездки, человек часто признается:

- До чего ж я стосковался по тарелке горячих щей с черным хлебом!

Любовь к Родине, как и всякая настоящая любовь, окрашена отнюдь не в одни розовые тона. В России, как нигде, принято ругать свою страну, выяснять с ней отношения, предъявлять претензии, обижаться вплоть до полного разрыва - короче говоря, общаться как с живым, близким человеком. И не просто с близким, а с самым близким - с матерью.

Между прочим, маленький ребенок вполне может пожаловаться на мать другим взрослым, а подросток-сверстникам. Но попробуй кто-нибудь сказать про нее дурное слово: глаза выцарапает!

На наших занятиях мы предлагаем детям самые разные этюды. Какие-то из них - в самом начале, когда мы еще присматриваемся к ребенку, хотим кое-что уточнить, - воспроизводят определенные жизненные ситуации. Практически все дети показывают, как их кто-то обижает. Но поскольку они показывают это в куклах, то между "актером" и персонажем существует дистанция, и она-то как раз служит буфером, предохраняющим ребенка от психической травмы. И только один сюжет (который мы, кстати, никогда не предлагаем ребенку, но порой он разыгрывает его спонтанно, по собственному желанию), вызывает такое полное и моментальное отождествление, что никакой буфер уже не помогает. Это когда ребенок показывает, как кто-то чужой, например, мальчишка, сказал ему обидные слова про его мать. Кукла-пострадавший начинает так дубасить куклу-обидчика, что у последней того и гляди отвалится тряпичная голова. "Избиение" может длиться пять, десять минут - пока не остановишь. А остальные дети следят за этим побоищем затаив дыхание.

Так же болезненно воспринимается охаивание чужими своего дома (даже если он действительно неуютный и грязный). Почему же надо думать, что охаивание понятия, пусть более широкого, но включенного в категорию "мое", пройдет для психики бесследно? Да еще если это охаивание не фрагментарное, не единичное, а регулярное? И ничем не у р а в н о в е ш е н н о е. Можно, конечно, смеяться над прежней кондовой пропагандой, но она возвышалась, как огромный утес. А волны критики и брызги недовольства лишь слегка орошали его, но поколебать не могли. И это раздражало, но одновременно давало психическую опору.

Теперь утес рухнул. А его развалины затоплены прямо-таки океаном претензий, обвинений и проклятий. То есть равновесие грубо нарушено. Все мы видим, что для множества взрослых людей это серьезная психическая травма. Этакое идеологическое землетрясение.

А как же в такой ситуации должен чувствовать себя ребенок, в прямом смысле с рождения усваивающий, что его дом, его родина - хуже всех (и всегда были хуже всех)? А он сам - жалкий, ни на что не годный "совок"?

- Да ладно вам нагнетать и подбрасывать! - поморщится кто-нибудь. - Вы посмотрите вокруг! Веселые нарядные дети, едят бананы, жуют жвачку, а главное - они свободны!

Вопрос о духовной свободе мы сейчас рассматривать не будем. Что, какие факторы на нее влияют - это особая и очень сложная тема. Но одно можно сказать с уверенностью: даже самое свободное воспитание не в силах освободить детей от родовой памяти.

Возникает чувство раздвоенности и как бы двойного страдания. "Раз мою страну ругают, значит, она плохая. И мне здесь будет плохо. Поэтому ее надо покинуть. Но она же своя, а остальные чужие. Чужие - значит страшные. Значит, враги!"

Такие одновременные, но противоположно направленные чувства психологи называют амбивалентностью. Амбивалентность как постоянный фактор разрушительно влияет на психику.

Растет племя изгоев. По данным того же социологического опроса, проведенного Уральским отделением РАН, 48% дошколят хоть сегодня готовы уехать из России навсегда. Подчеркнем, что для детей такого возраста тяга к перемене мест и дальним странствиям не характерна, она появляется позже.

- Ну и прекрасно! Они же сво-бод-ны! - напомним гипотетический оппонент.

Да, разумеется. Лишь бы были счастливы, но... "Не люблю негров. Они черные, губы слишком толстые, а зубы белые" (из высказываний тех же дошколят). Немцы "могут убить",

татары - "злые". В качестве врагов называются французы, китайцы, Саддам Хусейн. Даже к американцам отношение сдержанное (уж во всяком случае куда более сдержанное, чем у взрослых!): "Это хороший народ, не очень злой".

Так куда же они поедут и где будут счастливы?

Только не надо думать, что это неприятие "чужаков" - "проклятое наследие тоталитаризма". Малыши часто пугаются чужих. Этот страх как раз и подсказывает им родовая память, еще не усыпленная, не облагороженная воспитанием. Точно так же архаические народы страшились пришельцев и часто только людей своего племени называли словом "человек". Все остальные были не люди, а значит, таили в себе угрозу.

Ну, тут наш незримый оппонент буквально взорвется:

- Шовинизм культивируете?! Хороша педагогика! Весь мир стремится к интеграции... Европа без границ... Вступление России в мировое сообщество, а вы...

А мы утверждаем, что вливаться в мировое сообщество нужно полноценными людьми. Как, по-вашему, будет чувствовать себя человек, страдающий комплексом неполноценности, если окажется в "большой компании незнакомых людей"? Принесет ли это радость ему? Доставит ли он удовольствие компании?

Что-что, а эту ситуацию мы имеем возможность наблюдать каждый раз, когда застенчивые дети впервые приходят на наши занятия. Одни сидят, не поднимая головы и чуть не плачут, у других, наоборот, проявляется какая-то невиданная агрессивность, третьи на любой вопрос, на любую просьбу отвечают только отказом, четвертые кривляются, пятые...

Поверьте, нам очень легко продолжить этот ряд, Но мы лучше прервем перечисление и подчеркнем другое. Если с первого момента не выстроить правильно отношения в группе (а мы уже не раз писали, что в основе нашей методики лежит психоэлевация, возвышение личности ребенка), то дети с комплексом неполноценности не получают ничего, кроме дополнительной травмы.

Вот она, модель интеграции людей с ущемленным национальным достоинством. Такая интеграция, на наш взгляд, хуже любой изоляции. Главное, что дело все равно кончится обособлением. И ладно бы только обособлением! А может закончиться гораздо трагичнее - кровавыми конфликтами и войнами.

Увы, предпосылки к этому уже налицо. Что означает биение себя в грудь и бесконечные восклицания типа "мы хуже всех", "мы самые отсталые, самые несчастные"? Это искаженная, вывернутая наизнанку мания величия. Пусть глупые, бездарные, несчастные. Зато самые. Вот оно, ключевое слово!

- В конце концов, какая разница? - пожмет плечами неутомимый оппонент. - Налицо или наизнанку... Важно, что это мания, психическое отклонение. А когда все кричали: "Великая страна"? Это что, не мания была? Тоже мне, Верхняя Вольта с ракетами! Тут всегда было помешательство на величии...

Конечно, какая-то правда в этом есть. Скажем точнее: она относится к слову "кричали". Шумный патриотизм напоминает пылкую женщину, которая уж если кого полюбит, то с пеной у рта всем доказывает, что ее возлюбленный - настоящий гений, красавец, благороднейший человек и т.п. И опять-таки в самой идеализации объекта любви нет ничего ненормального. Ведь не по хорошему мил, а по милому хорош. Ненормально другое: публично, назойливо и даже агрессивно (дескать, попробуй не признай!) заявлять об этом (чем, кстати, и была противна советская пропаганда).

А вообще-то утверждать, что Россия - самая обыкновенная страна и что, мол, пора с этим смириться - значит, утверждать ложь. В чем обычно вырвется мания величия? Например, в том, что карлик мнит себя великаном. Или бездарь - гением всех времен и народов. Но Россия-то на самом деле великая, огромная страна с бескрайними просторами, с бездонными ресурсами, с подлинными, а не вымышленными гигантами в самых разных областях науки и искусства. И советский период тоже дал нашей стране, да и всему миру великую культуру.

Вспомните, пожалуйста, как обычно ведут себя сильные и рослые мужчины? Со спокойным добродушием. С чувством собственного достоинства. Зная свою силу, они не лезут в драку. Чего им себя показывать? Их и так видно.

Мы очень советуем вам, родителям, воспитывать в наших детях именно такое - нормальное, спокойное чувство патриотизма. Ибо к мании величия ведет как раз чувство собственного ничтожества. Между прочим, мы очень легко справились с недугами мальчика-патриота, мама которого не знала, как он будет жить дальше. В отличие от мамы, мы радовались, услышав о его патриотических чувствах. Ухватились за это, как за сокровище, и подчеркнули его патриотизм как достоинство. Мы никогда забывали спросить мальчика о последних политических событиях, а выслушав, неизменно заключали:

- Вырастешь - будем за тебя голосовать. Только на тебя вся надежда! Если ты станешь президентом - за судьбу России можно не волноваться. Конечно, мы говорили это с юмором, и "будущий президент" в ответ тоже смеялся. Но у него выпрямились плечи и уже не лихорадочно, а гордо блестели глаза.

К сожалению, нам и в этой главе придется повторить: если государство не опомнится и не перестроит стратегию воспитания (в том числе и патриотического), забота о психическом здоровье ребенка целиком ляжет на семью. Собственно говоря, она уже легла. Разумеется, можно и нужно добиваться перемен в политике государства, "однако за время пути...". В общем, дети растут быстрее, чем умнеют политики.

Поэтому, не дожидаясь одобрения министерств и ведомств, переходим к рекомендациям.

Изымите из обращения формулировки типа "хуже нас нет". Славословить все подряд, конечно, тоже не следует. Главное, чтобы в разговорах с ребенком о заграничье не звучал завистливо-восхищенный лейтмотив "живут же люди". Как (может, не очень складно) сказал один наш знакомый эстонский режиссер: "Живут не где лучше, а где дома". И это на самом деле так.

Давайте ребенку понять, что значит "дома". Обращайте его внимание на всякие подробности, которые милы вашему сердцу. Тут и природа, и обычаи, и стихи, и песни (среди них есть просто прекрасные, и пусть дети их знают).

Объясняйте детям, что ругать свою страну в присутствии иностранцев - это прежде всего ронять себя. Человек думает, что он пожалуется, расскажет, какая у него страна ужасная, и его пожалеют. Для видимости, может, и пожалеют. А в душе будут презирать. Мы ни разу не встречали иностранца (хотя общались с людьми из очень многих стран), который бы ругал свою родину. Он мог критиковать правительство, какие-то тенденции в обществе, говорить о разных проблемах. Но даже граждане той страны, где царил настоящий террор (например, наш знакомый гватемалец, у которого был зверски замучен отец, и сын видел его изуродованный труп) - даже они говорили о своей земле, о своем народе с любовью и надеждой.

Вот и нам нужно научиться отделять землю, где мы родились, выросли и родили детей, от ее правителей. Это связано, но не тождественно. Правители приходят и уходят, а Россия остается. Она оставалась любимой даже для эмигрантов "первой волны", у которых новая власть в прямом смысле слова отняла все, разрушила их мир. Большевицкий режим они ненавидели и проклинали, но их неизбывная ностальгия стала легендарной.

Особое внимание хочется обратить на фильмы времен "холодной войны", которые теперь так часто показывают по телевизору, и на переводные книги. В них довольно часто супермены-американцы, например Джеймс Бонд, борются с тупыми и жестокими русскими (а для американцев все, кто жил в Советском Союзе, были русскими). Не надо запрещать детям смотреть или читать подобные "произведения искусства". Это как раз тот случай, когда плод не должен быть запретным, иначе он будет сладким. Однако полезно выразить свое юмористическое отношение к этим топорным пародиям. И сказать ребенку, что американские дети не будут восхищаться фильмом-агиткой, где умный русский разведчик (а таких фильмов у нас тоже было предостаточно) расправляется с тупыми, свиноподобными американцами.

И напоследок буквально пара фраз о слове "совок". Пожалуйста, не произносите этого слова - лучше совсем, но при детях особенно. Мало того, что это слово унижительное, так у ребенка оно наверняка еще и вызывает законную ассоциацию с пластмассовым совочком, с игрушкой, которая всегда в чьих-то руках, причем с игрушкой чисто функциональной и настолько невзрачной, что ее часто забывают в песочнице...

В психологии это называется "конкретно-образное мышление".

"Я С ДЕТСТВА МЕЧТАЛ, ЧТО ТРУБАЧ ЗАТРУБИТ..."

Теперь в школе не разучивают не только песни о Родине.

Дочка нашей знакомой, придя из школы, что-то тихонько нашептывала на ухо своему младшему брату. В комнату вошла мама и спросила:

- Что ты шепчешь?

- Песню, - прошептала девочка.

- Небось какие-нибудь глупости, - нахмурилась мама.

Девочка молча опустила голову. Но ее выдал младший брат. Тоненьким голоском, перевирая мотив, он запел:

- Кругом война, а этот маленький. Над ним смеялись все враги...

- Не враги, а врачи, - машинально поправила мама.

У девочки потрясенно округлились глаза:

- А ты откуда знаешь?

- Что значит "откуда"? - в свою очередь, удивилась мама. - Мы ее в школе учили. Я пела в хоре вторым голосом, а Лешка Линьков запевал. Да и по радио все время исполняли...

- И вам РОНО не запрещало?

- Чего-чего? При чем тут РОНО?

- А нам запрещает. Вернее, не нам, а нашей Татьяне Сергеевне. А Татьяна Сергеевна, она хорошая, она все равно нас учит. И директор хороший, он разрешает... Только по-тихому, чтоб в РОНО не узнали. А то Татьяну Сергеевну с работы выгонят... И ты, Федька, - обратилась девочка к младшему брату, - в саду не пой, не подводи Татьяну Сергеевну.

От этих объяснений у мамы голова и вовсе пошла кругом. Она отправила детей во двор и стала мучительно думать... Нет, ее не удивило, что вчера еще обязательную по программе песню сегодня запретили.

Она как-никак прожила в этой стране три с лишним десятка лет. Ее мучил лишь вопрос: почему? Маленький мальчик отправился на войну... Ну, вроде про войну еще можно. Стал трубачом... "Как хорошо - не надо кланяться. Свистят все пули над тобой..." Про партию ни слова, про Ленина тоже ничего... А как там дальше? "Но как-то раз в дожди осенние в чужой степи, в чужом краю полк оказался в окружении, и командир погиб в бою..." И тут ничего такого...

По мере приближения к финалу мама все с большим азартом перебирала слова песни. И наконец, почти торжествуя, воскликнула:

- Вот оно! Нашла!!

Слово оказалось одно. Но зато сколь криминальное! Поднимая людей на бой, маленький трубач "встал в дыму и пламени, к губам трубу свою прижал. И вслед за ним весь полк израненный запел "ИНТЕРНАЦИОНАЛ"!"

Да, трагическая история действительно повторяется на уровне фарса. Когда-то подпольщики тихонько, чтобы не услышал враг, разучивали революционные песни. Сегодня учительница потихоньку, чтобы не услышало РОНО, разучивает с детьми песню про юного героя. И опять запрещено слово "Интернационал"...

Нет, это все-таки не фарс. Скорее - трагифарс. И дело тут даже не в слове "Интернационал", а в героях. Спросим себя: что за герои сегодня у наших детей? Есть ли они? Нужны ли они вообще?

Начнем с последнего вопроса. Нужны ли детям герои? Во время бесед с родителями, правда, не так уж часто, можно услышать Мнение: "Хватит, тут вся страна состояла из одних героев, и вот к чему это привело. Не герои нужны, а трезвые, практичные люди. Не к подвигам надо стремиться, а к нормальной, человеческой жизни. А за подвиг теперь здесь и "спасибо" не скажут. Вон, посмотрите на спасателей, которые бросились в Чернобыль после аварии.. Времени прошло всего ничего, а кому они теперь нужны? Кто о них теперь вспоминает?"

Однако не было случая, чтобы у детей, с которыми мы занимаемся, - даже у малышек! - при слове "подвиг" не загорелись глаза. Будто это слово-сигнал, пробуждающий, как зов трубы.

Я с детства мечтал, что трубач затрубит,
И город проснется под цокот копыт,
И все прояснится открытой борьбой:
Враги - пред тобой, а друзья - за тобой... -

так начинается стихотворение Наума Коржавина "Трубачи". (Вообще, надо сказать, что образ трубача - один из любимых романтических образов, причем не только у нас. Поэтому особенно обидно, что песня про маленького героя, да еще трубача, - "изъята из обращения".)

Странно, вроде бы странно... Что там может отзываться в пятилетней малявке на слово "подвиг"? Тем более сейчас, когда эта тема так непопулярна, когда о героизме и подвигах в лучшем случае не говорят ничего. Наши дети уже не знают тех имен, которые были на слуху у нас: Олег Кошевой, Леня Голиков, Зоя Космодемьянская... Но подвигов жаждут не менее, если не более страстно.

Однако если мы вспомним об архетипе, о родовой памяти, то ничего странного и удивительного в этом нет. Какие свидетельства дошли до нас на каменных скрижалях, керамических черепках, пожелтевших папирусах? Что люди прежде всего хотели оставить в памяти потомков? Описание своих подвигов. Какой самый древний жанр в литературе? Эпос, повествование о героях и их свершениях, то есть подвигах. Эпос есть у каждого народа. Это, можно сказать, лицо народа.

Но если это есть у каждого народа, значит, это для чего-то нужно?

С тех незапамятных времен, как люди стали называться людьми, они устремляли свой взор к небу, где обитали боги. Богам поклонялись, богов боялись, богам хотели подражать. Но боги были недосягаемы. Милость богов и близость к ним следовало заслужить. Заслужить отважными деяниями, п о д в и г а м человек, совершивший подвиг, приближался к богам, но в то же время - и это очень важно - оставался человеком. Он был ближе, доступнее, понятнее, ему легче было подражать. Самим фактом своего существования герой как бы говорил другим людям:

Вы тоже сможете возвыситься, если очень постараетесь у вас есть надежда. Я тому пример.

То есть герой становился промежуточным звеном между людьми и богами. Можно дать множество объяснений тому, зачем, почему люди самых разных верований и культур стремились к возвышению (или, как мы говорим, к элевации). Но ни одно из них не будет полностью отражать суть. "Так надо трагедии", написал когда-то крупнейший советский психолог Выготский, размышляя о загадочном поведении шекспировского Гамлета. И здесь тоже "так надо"... Так уж устроен человек.

Герои появлялись во все времена. И что самое важное - были у каждого народа с в о и.

- У России такие герои, что лучше б их и вовсе не было! - можно порой прочитать в нашей печати. - Разве это герои? Сплошные разбойники, убийцы.. Стенька Разин да Емелька Пугачев... А уж Павлик Морозов вообще! Донес на родного отца.

Что ж, давайте вспомним иноземных героев. Геракл, Уллис, Александр Македонский, Цезарь, Робин Гуд, Тиль Уленшпигель, Жанна д'Арк, Марат... Они что, цветы в лесу собирали или бабочек ловили? Если подходить к ним с обычными мерками, то есть если судить их по общечеловеческим законам, то все они были преступниками. Они или грабили, или убивали и то и другое вместе. Но в том-то и дело, что человеческие мерки к ним не применимы, потому они, герои, не совсем люди. Их отличают две главные особенности: способность к самоотречению и непоколебимая уверенность в том, что они действуют во имя добра, во имя идеала.

Героями как и богами, лучше восхищаться на некотором расстоянии. Поэтому их и возводят на пьедестал. Иначе полыхающий в них огонь может опалить.

И это не только метафора. Совершая подвиг, герой неизбежно причиняет кому-то страдания. Да, таков парадокс героизма. Возьмем самый, казалось бы, невинный случай, когда героическая личность никого не убивает, а, наоборот, спасает. Спасает, жертвуя собой. Предположим, выносит из горящего дома чужого ребенка, получая при этом смертельные ожоги. Героический поступок? Безусловно. Но дети самого героя остались сиротами, а жена - вдовой. А безутешные родители? А другие родственники? А друзья?

И это, повторяем, еще тот случай, когда герой, во-первых, не отнимал жизнь, а во-вторых, не брал на себя ответственность за судьбы тысяч, миллионов людей.

Если посмотреть под этим углом зрения на наших героев, в том числе и на оплеванного Павлика Морозова, то окажется, что они, безусловно, самые настоящие герои. Предать отца - страшное, чудовищное злодеяние, но не корысти ради, не ради кулацкого наследства Павлик Морозов пошел на это. Им владела идея справедливости (отец утаил зерно, которое изымали для спасения голодающих), которая - нравится нам это или нет, - безусловно, относится к разряду героических. Полезно помнить и финал Павлика: не возвышение по пионерско-комсомольско-партийной лестнице, а мученическая смерть. Что же касается отказа, отречения от самых близких во имя идеи, то это воспели наши отнюдь не "социалистические" классики. Перечитайте стихотворение Лермонтова "Гяур", где мать с проклятиями изгоняет сына, бежавшего с поля боя. А героический Тарас Бульба, которым Гоголь, обычно такой насмешник, искренне восхищается, - тот и вовсе убил своего сына-изменника. А ведь убить собственного ребенка - это поступок, нарушающий все законы, даже биологический. Поступок, по человеческим меркам еще более чудовищный, чем предательство отца.

Кажется, читателю самое время задать вопрос. И даже не в очень-то вежливой форме:

- Так на кой черт нужны эти герои? Провались И они все пропадом! С какой стати я должен воспитывать ребенка на таких отвратительных примерах?! Гори синим пламенем это вселенское благо, если оно несет страдания близким. Хорошенькое благо - на костях! Не нужен мне герой! Пусть будет нормальным человеком.

Но в том-то и дело, что невозможно вырастить нормального человека, если не предлагать ему в период его формирования возвышенно-романтические, героические идеалы.

- Возвышенные? Романтические? А жизнь, она совсем не возвышенная. И она шмякнет с этих романтических высот мордой об стол. Тогда что? Разочарование? Душевный надлом?

Но, исходя из этой логики, и сказки читать вредно. Там тоже сплошные герои и подвиги. И все не как в жизни.

да, разочарования неизбежны. Прочитируем все ТО же стихотворение Наума Коржавина. Мы цитируем его потому, что оно как нельзя более ярко и емко иллюстрирует взросление души, которая воспитана правильно, то есть романтически. ("Романтизм - это душа". В.А. Жуковский.)

И вот самолеты взревели в ночи,
И вот протрубили опять трубачи,
Тачанки и пушки прошли через грязь,

П р о с н у л о с ь г е р о й с т в о , и к р о в ь
пролилась.

А вот и разочарования:

Но в громе и славе решительных лет
Мне все ж не хватало заметных примет.
Я думал, что вижу, не видя ни зги,
А между друзьями сновали враги.
И были они среди наших колонн
Подчас знаменосцами наших знамен.

Автора ждали не только разочарования, но и такие страшные удары судьбы, которых не дай Бог никому. Правда, он об этом пишет сдержанно:

Жизнь бьет меня часто. Сплеча. Сгоряча...

Ну и что же он, воспитанный на иллюзиях, не готовый к жизненным испытаниям?

...И все же я жду своего трубача. Ведь правда не меркнет и совесть - не спит...

И на это ожидание жизнь отвечает сурово:

...Но годы уходят, а он - не трубит.
И старость подходит. И хватит ли сил
До смерти мечтать, чтоб трубач затрубил?

Этот трагический вопрос кажется одновременно и трагической точкой. Конец иллюзиям, конец стихотворению. Но у стихотворения "Трубачи" другой конец:

А может, самим надрыватьсь во мгле?
Ведь нет, кроме нас, трубачей на земле.

Романтически заряженная душа, пройдя через все, совершила прорыв и сделала по форме романтический, а по сути - мощный, волевой и, главное, вполне реалистический выбор. Она, душа, не угасла, не погибла, и произошло это не вопреки, а благодаря романтическому заряду, романтической энергии. Идеал не ломает человека, а, напротив, дает ему психическую опору. Дает силы жить. Пережить грязь, унижения, насилие. "Мужество быть" (так называется книга одного протестантского философа). Когда жизненный вихрь сбивает с ног, очень важно знать, что кто-то устоял, кто-то на ногах удержался.

Интересно, что даже те родители, которые активно не хотят дать своим детям романтическое воспитание, считая его ненужным или даже вредным, искренне недоумевают и возмущаются, когда видят в своем ребенке проявления трусости, эгоизма, равнодушия.

Ему жалуются на неприятности на работе или в семье, а он:

- Извините, это ваши проблемы. Его спрашиваешь, почему он девушку до дому не проводил, ведь было уже поздно. А он усмехается:

- Что я, дурак, что ли? Она в таком районе живет... Там и башку проломить могут.

И самое печальное, что такое "реалистическое" воспитание неизбежно оборачивается против родителей.

Наши знакомые, пожилые супруги, очень гордились тем, что дали своему сыну правильное воспитание:

- Мы нашему Костеньке с пеленок твердили:

"Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда". В жизни романтические иллюзии только помеха. Трезвость, практицизм, необходимость получения настоящей профессии - вот что мы старались ему внушить. И посмотрите, какой он вырос! Его товарищи очертя голову влюблялись, очертя голову женились... И кто они сейчас? Костенька тоже был влюблен, но он знал: прежде всего учеба. Поехал в Москву, поступил в университет, встретил девушку - москвичку из хорошей семьи... Нельзя сказать, что это была бешеная страсть - у нее тоже трезвая голова. Но ничего, зато он остался в Москве, защитил диссертацию. Вы много видели, чтоб в тридцать лет получали лабораторию?

А потом был Чернобыль (наши знакомые - киевляне). В Киеве началась паника, люди стремились разбежаться кто куда. Сесть на поезд было практически невозможно. Но за Костиных родителей мы не волновались. У Кости была машина. Конечно же, он их вывезет - так мы думали. И ошиблись! Нет, он не признался в своей трусости, а очень разумно, рационально, без лишних эмоций объяснил, что у него двое детей и он не может себе позволить становиться инвалидом. "Трезвая голова", то есть Костина жена, была полностью солидарна со своим мужем.

В другой ситуации родители, может быть, и порадовались бы плодам своего воспитания, но в данном случае они испытывали совсем иные чувства.

Родителей Кости, конечно, было очень жалко, но вообще-то в таких случаях хочется задать вопрос: а на что, спрашивается, вы рассчитывали? Почему вы думали, что со всем миром у вашего сына будут одни отношения - рационально-практические, - и только с вами лирические?

Романтизм не только закаляет душу и дает силы жить, но и служит как бы сладкой оболочкой для того, чтобы ребенок лучше принимал и усваивал традиционные нравственные установки. Романтические примеры облегчают формирование "сверх-я" - кодекса чести, на который ориентируется человек.

- Помилуйте, какой кодекс? Какая честь? Вы что, с луны свалились? Люди забыли, что это такое! Ни у кого ни чести, ни совести не осталось!

Ну, во-первых, у многих осталась. Просто бессовестные больше бросаются в глаза, и поэтому кажется, что их много. На самом деле они всего лишь заметней, и это свидетельствует как раз в пользу того, что люди не забыли понятие совести.

А во-вторых, у всех людей есть слабости, все когда-нибудь совершают дурные поступки. Но необходимо при этом помнить, "что такое хорошо, а что такое плохо", где черное, а где белое. Важно, чтобы были точки отсчета. Самое страшное (то, что мы, к сожалению, видим сейчас все чаще и чаще) - это когда нечего нарушать, потому что нет образца, нет верха и низа, нет "хорошо" и "плохо". Что ни сделаешь, все "нормально".

- Ну ладно, допустим, - устало согласится читатель, - допустим, героическая романтика для чего-то нужна. Но зачем нужен этот старый, траченный молью отечественный хлам? У современных детей и герои должны быть современные. А их вон сколько! Терминатор, Супермен, Арнольд Шварценеггер, Брюс Ли, Клод Ван Дам...

Мы не будем сейчас обсуждать, нравятся нам эти герои или не нравятся. Это действительно вопрос вкуса. Тут важно другое. Пример для подражания должен быть высоким, но не далеким. Мы уже упомянули о необходимости иметь своих, отечественных героев, но потом отвлеклись и не сказали почему.

Потребность в романтическом, возвышенном (и об этом мы тоже вскользь упомянули) имеет иррациональную природу. Стремление приблизиться к богам, уподобиться им иррационально, поскольку боги сами иррациональны, непостижимы разумом. Герои, для того

чтобы вызвать не просто восхищение, а желание подражать, должны затрагивать в человеческой душе самые глубинные струны, иначе говоря - архетипическую сущность.

Возьмем Латинскую Америку. Казалось бы, испанским завоевателям-конкистадорам удалось принести туда все свое: язык, архитектуру, образ жизни, даже религию. А вот с героями все оказалось не так просто. При этом надо отметить, что в испанской истории чего-чего, а героев хватает. Однако в Латинской Америке почитаются сейчас другие герои. Прежде всего герои борьбы за независимость: Боливар, Сукре, Панчо Вилья.

- А то, что герои должны быть не только сказочно-былинными и не только историческими, но и современными, - что ж, это правда. И надо отдать должное прежней власти: в данном вопросе она вела себя очень мудро. Герои и героические культы создавались, насаждались, поддерживались. "Свято место" не пустовало ни одного дня. Герои революции, герои гражданской войны, герои первых пятилеток, герои Великой Отечественной, герои-целинники, герои-космонавты...

А что мы видим сейчас? Ничего не видим. Но, может быть, героев действительно нет? Но как тогда быть с людьми, которые пожертвовали собой, бросившись гасить чернобыльский пожар? Или с тем парнем, который помогал людям выбраться из горящего автобуса во время крупнейшей московской аварии на Дмитровском шоссе и скончался в больнице от ожогов? Герои? Несомненно. Но кто даже сегодня, по прошествии совсем малого времени, кто знает, помнит их имена? Не всех вместе ("герои-чернобыльцы"), а каждого в отдельности?

Правда, была одна попытка в августе 91-го. О трех погибших юношах какое-то время говорили, называли их имена. А потом... До того ли?!

Зато усиленно вдалбливается, что быть героем - занятие неблагодарное, что все равно этого никто не оценит. Льготной квартиры - и то не видать. Какая уж там слава и благодарная память потомков!

Конечно, хорошо, что кто-то борется за справедливость, плохо только, что порочную тактику государственной власти преподносят как трагический закон жизни. Дескать, вот оно как все устроено: ты живот положил за круги своя, а тебе - кукиш.

А теперь представим себе ребенка "в предлагаемых обстоятельствах", по выражению К.С. Станиславского. С одной стороны - общество, которое сегодня, по сути дела (если называть вещи своими именами), разрешает и даже поощряет трусость. С другой стороны - родители, которые хотят видеть своих детей отважными. (Одна из самых распространенных жалоб родителей, обращающихся к нам за помощью, - это жалоба на страхи, и ни от кого мы ни разу не слышали, что он стремится воспитать труса.) И, наконец, с третьей стороны - иррациональная, глубинная, архетипическая потребность в романтической героике, мечты "о доблести, о подвигах, о славе", которые непрерывно вступают в конфликт с общественными установками.

Такое разнонаправленное давление неминуемо вызывает психический стресс. Психика теряет точку опоры и, соответственно, равновесие. Этого не выдерживает даже взрослый человек, а ребенок и подавно.

Сегодня мы пишем о трагических последствиях отказа от традиционной нравственности, еще довольно смутно представляя себе их масштабы и конкретные проявления. Увы, все только началось, и "расцвет" мы увидим тогда, когда у нынешних детей появятся свои дети.

Но уже сейчас кое-что становится очевидным. К примеру, заметный рост и обострение детских страхов. Год назад из десяти детей, которых к нам приводили, страхами страдали двое-трое. В этом же раду бывало, что лечебная группа (не специально, а так складывалось!) вся, целиком - а это 7-9 человек состояла из "фобиков", как на психиатрическом жаргоне называют людей с теми или другими навязчивыми страхами.

Более того, мы подозреваем, что и лечить детские неврозы, психопатии, психотравмы и другие подобные состояния станет значительно сложнее. Пускай не все психотерапевты в отличие от нас возводят традиционную нравственность в ранг одного из основополагающих

принципов лечения. Но практически все в работе с пациентом опираются на общепринятые моральные нормы. Скажем, в групповой психотерапии очень часто апеллируют к понятиям смелости, товарищеской взаимопомощи, чувству локтя. А к чему они будут апеллировать, когда эти нормы перестанут быть общепринятыми и вообще принятыми? Получается, что крушение идеалов выбивает почву из-под ног не только пациентов, но и врача.

Но самое главное и самое печальное заключается в том, что романтика все равно не уйдет из нашей жизни. Да-да, не удивляйтесь, мы сознательно написали слово "печальное", ибо неистребимая, неизбывная романтическая потребность не находя нормальных способов проявления, все равно проявляется, но уже патологически.

Многие эксперты кинорынка недоумевают, почему наивные мексиканские телесериалы пользуются несравненно большей популярностью у наших телезрителей, чем американские и австралийские, хотя последние гораздо более профессиональны, динамичны, с богатыми натурными съемками, острыми сюжетами.

А чего тут недоумевать? Все так понятно! Именно латиноамериканские сериалы оказались наиболее созвучны традиционным для России романтическим представлениям о любви и верности, дружбе и предательстве, бедности и богатстве. А вот романтика торы на бирже, романтика отчаянной борьбы за наследство и за место под солнцем - что поделаешь! - как-то здесь не идет... Ведь в "Богатых" важно не то, что они богатые, а что они "тоже плачут".

Конечно, такая растянутая на сотни серий ширпотребная телепродукция есть типичная духовная сивуха, наркотик. Но это еще одна из безобиднейших форм утоления романтической жажды, порожденной неромантической действительностью. Наркотик в основном для барышень, домохозяек и пенсионеров.

А вот у юношей жажда романтики так тесно связана с жаждой действия, Жаждой подвига, что ее "слезами богатых" не утолишь. Вернее, утолишь, только слезами натуральными, не телевизионными. Наши рэкетеры вовсе не считают себя преступниками, хотя, безусловно, ими являются. С автоматами и ножами в руках они отнимают, как недавно сами заявляли по телевидению, "несправедливо награбленное". Этакие современные Робин Гуды...

Да и реальная сивуха, реальные наркотики, как ни странно, имеют самое непосредственное отношение к романтизму. Наркоман ищет ярких, красочных грез, галлюцинаторных приключений. Пьяному - море по колено (совсем как герою). Ну, у нас это принято списывать на тяжелую жизнь. А на Западе, где наркоманов (пока!) гораздо больше? И борются там с наркоманией очень серьезно. Просветительская работа огромна, репрессивные меры суровы, наркологическая служба поставлена на высочайший уровень. От какой такой тяжелой жизни уходит западная молодежь в мир смертоносных наркотических видений?..

Мы, конечно, не специалисты-наркологи и не собираемся давать рекомендаций по борьбе с наркоманией на государственном уровне. Но родителям, которые не могут быть безразличны к такой страшной перспективе, настоятельно советуем: делайте упор на романтической стороне воспитания. И не подросткового возраста, когда мечтательность апогея. С самого раннего детства рассказывайте ребенку о героях, о подвигах, не гнушайтесь именами, подвергнутыми сегодня официальному остракизму. Подбирайте соответствующий круг чтения.

Главное - не бойтесь вырастить оторванного от жизни мозгляка-идеалиста. Как и в главе "Горькие плоды просвещения", мы хотим вас на этот счет успокоить: прагматической стороной воспитания у нас нынче занимается государство. Так что ребенок и без Вашего участия узнает, в какой банк лучше положить деньги.

Ваша же задача в другом. Пусть он узнает о радости "бесполезной" дружбы и бескорыстной помощи, о вечной любви, о работе не только ради денег, о том, что не все и не всех можно купить и... - уж простите за опостылевшую нам с детства цитату! - и еще о том, что "в жизни всегда есть место подвигу".

ГРЕЗА О "СНИКЕРСЕ"

Был период, когда и в модных в то время журналах вроде "Огонька", и по телевидению, и в разговорах кухне на разные лады обсуждалась тема отъезда. Казалось, вопрос "ехать или не ехать?" решает себя каждый человек. Во всяком случае, так было в Москве. Интересно, что глагол "ехать" не требовал дополнения. Сразу было понятно, что имеется в виду не поездка в Крым, не командировка, а эмиграция. Все это носило характер своего рода коллективного психоза. Звонишь кому-нибудь по телефону, а тебе в ответ: "Как? Ты еще здесь?!" Причем такой вопрос часто не соотносился с реальностью и мог быть задан человеку, который, даже если бы и очень хотел уехать, то не имел никаких шансов реализовать это свое хотение.

Но, конечно, были и такие, кто эти шансы имел и ими воспользовался.

И вот как-то раз пришли попрощаться друзья. Все уже было решено и подписано, отправлялись вещи, распродавались по дешевке телевизор, стиральная машина, угловой диван... Но почему-то, когда они заговорили о будущем, за напористыми, даже несколько агрессивными утверждениями угадывался робкий немой вопрос: "Мы правы? Ведь правда же - мы правы?"

Сейчас, по прошествии нескольких лет, уже трудно в подробностях вспомнить, о чем мы говорили, но запомнилось, очевидно, главное: речь шла о человеческом общении. А конкретнее - что они, наши друзья, окажутся там без друзей. Без друзей, без приятелей и даже почти что без знакомых.

- Ой, только не надо нас пугать, - отмахнулись гости. - Вся советская дружба - это сплошная "скорая помощь". То тебя просят срочно достать оливковое масло для больной мамы, то посидеть с ребенком, которого не с кем оставить, то принять гостей из Калуги всего на недельку... А эти душеспасительные разговоры... Здесь люди часами готовы плакаться в жилетку, не считая ни своего, ни чужого времени... Нет уж, спасибо! Такой дружбой мы сыты по горло. На Западе совершенно по-другому на это смотрят. Там люди встречаются, чтобы действительно получить удовольствие от дружбы, приятно провести время. А всякие проблемы... Для этого существует масса специальных служб. Отсюда и уровень решения проблем - не дилетантский, а высокопрофессиональный. За оливковым маслом идешь в супермаркет и выбираешь из десяти-тридцати сортов. К ребенку вызываешь бэбиситера, для приезжих на каждом углу гостиница, где всегда есть свободные места...

- Ну а если все-таки иногда захочется кому-то душу излить? - робко поинтересовались мы. (Робко ибо понимали, что это совсем уж неубедительный аргумент. И, конечно же, оказались правы.)

Гости на мгновение задумались, но потом с воодушевлением воскликнули:

- А профессиональный психоаналитик на что? В Америке у каждого нормального человека есть свой психоаналитик. Да и вообще - душу изливают день и ночь только в России. Западные люди не могут себе позволить такую роскошь. Им надо дело делать...

Мы и тогда, признаться, чувствовали, что тут что-то не так. Чего-то слишком много, а чего-то не хватает. "Вроде бы все логично, - думали мы, - вот только с души почему-то воротит от этой логики".

Теперь, когда призыв чеховского профессора Серебрякова "Надо дело делать, господа!" получил наконец реальный жизненный отклик, когда люди вынуждены с утра до ночи "крутиться" (как будто человек - это волчок), работать на трех работах, а в выходные - окучивать картошку или торговать на рынке, уже совершенно понятно, почему вроде бы логичные рассуждения уезжающих друзей не вызвали у нас тогда ответного энтузиазма.

Мы перестали ходить в гости. Сегодня это прямо-таки выдающееся событие. Раньше, когда люди практически каждый выходной или приглашали кого-то к себе, или сами навещали друзей, к таким заурядным визитам относились достаточно небрежно: могли не пойти или опоздать на два-три часа. Подумаешь, велика важность! Теперь приходят "как штык". Растроганно говорят:

- Надо же, какие вы молодцы! В наше время собирать гостей - да это подвиг!

А за столом произносят тосты: "За то, что мы в такое время все-таки встретились!" или: "Дай Бог еще раз вот так посидеть..." (Будто на фронт уходят или им всем по девяносто лет.)

А, собственно говоря, какое уж такое сейчас время? Война? Голод? Разруха? (В войну, кстати, тоже ходили в гости. И это помогало людям выстоять. Быть может, ничуть не меньше, чем хлебные карточки.) Мы-то думаем, что дороговизна, чрезмерная занятость, усталость-это, как говорят психологи, "ложная мотивация". Истинные причины сегодняшней необщительности лежат гораздо глубже: кто-то оказался "по разные стороны баррикад", кто-то не вписался в современную жизнь и чувствует себя неудачником, а кто-то, напротив, и вписался, и даже преуспел, да только успех не в радость, потому что слишком дорогой ценой достался - себя пришлось сломать. Общение предполагает душевную наполненность, а сейчас доминирующее чувство - опустошенность.

Вы спросите, какое это имеет отношение к детям? Они-то по-прежнему общаются, резвятся, играют в свои детские игры... Все это, конечно, так НО... Что они видят вокруг? А вокруг они видят замороженных взрослых, которые крутятся, мечутся, говорят, что некогда, что время - деньги, что уже год не видели близких друзей, с которыми раньше встречались чуть ли не каждую неделю. И вот что характерно: взрослые воспринимают сегодняшний образ жизни как о т х о д н о р м ы, а для ребенка, уже не заставшего того "золотого века", по которому его родители ностальгически вздыхают, это и есть н о р м а.

Ну, где ты, наш легко воображаемый оппонент? Тебе, кажется, самое время подать реплику. Например, такую:

- Вот и слава Богу, что для наших детей уже не будет нормой пустая говорильня, битье баклуш, маниловщина. Хватит! Здесь столько времени на это ушло - и в результате сидим по уши в... Короче, известно, где.

Как странно!.. Когда речь заходит о природе, никто уже не сомневается в ее высшей мудрости и целесообразности всего того, что в ней происходит. Позади горький опыт: пробовали истреблять воробьев, поворачивать реки, осушать моря. Когда дело касается человека, врачи уже не торопятся удалить даже очень больной орган, то есть не спешат прибегнуть к радикальному решению, а стараются использовать весь арсенал консервативных средств. Но почему-то в вопросе о таком сложнейшем фундаментальном понятии, как ОБРАЗ ЖИЗНИ, до сих пор проявляется, мягко говоря, легкомысленный, а строго говоря - преступный радикализм.

Ну, подумайте сами. Можно ли, будучи в здравом уме и твердой памяти, утверждать, что образ жизни целого народа - неважно, большой он или маленький - уклад, существовавший, по свидетельству самого нашего оппонента, "столько времени", глупый и бессмысленный? Ладно, если бы так здесь жили только в советский период (хотя и это, между прочим, уже несколько поколений). Так нет же! И до революции жили примерно так. И двести, и триста лет назад. Часто и подолгу гостили, любили поговорить, причем поговорить "о самом главном". А самым главным в России испокон веку считались не цены на базаре и не капризы погоды, а неразрешимые, вечные, "проклятые" вопросы, на которые нет ответа, но которые вопреки здравому смыслу одно поколение передает другому как пароль. Здесь всегда было принято иметь друзей не для украшения жизни и не только для бытовой поддержки, но главным образом - для душевного, сокровенного общения, для, казалось бы, бессмысленных душеизлияний. Недаром практически все эмигранты, даже самые благополучные и процветающие, на первый взгляд полностью вписавшиеся в новую жизнь, жалуются на то, что "не с кем пообщаться, поговорить". Вряд ли эти жалобы следует понимать буквально. Западный мир вполне общителен. Там существует масса пособий, телепередач, курсов, где учат общаться. Даже в наш язык уже вошел термин "тренинг общения". Но дело в том, что поверхностное, светское, легкое общение, принятое на Западе, представляется неполноценным человеку, выросшему в России.

Есть даже такой старый английский анекдот. Чем отличается русский от англичанина? А тем, что на вопрос "Как вы поживаете?" русский дает обстоятельный, реальный ответ. И англичанам это смешно, потому что для них "Как вы поживаете?" (How do you do?) - это форма приветствия. Так же, как для французов, итальянцев, испанцев, португальцев и многих-многих других.

Образ жизни, культурный уклад "записан" "в коллективном бессознательном" народа, в его родовой памяти. Очень характерное признание сделал в беседе с нами один русский эмигрант, увезенный во Францию в младенчестве. В Россию он снова попал лишь в старости.

- Всю жизнь я говорил по-французски, дружил с французами, женился на француженке, - сказал нам Жорж К. - И всю жизнь я, со своей мечтательностью, стремлением к каким-то высшим целям, казался сумасшедшим. Да и сам себя, грешным делом, считал таковым. А сейчас приехал сюда, пообщался с людьми и все понял: я не сумасшедший, я просто русский.

Образ жизни - не одежда, которую можно быстро поменять, это сама суть жизни, ее содержание и форма - все вместе и все неразделимо. Поэтому культурный уклад с таким трудом поддается даже косметическим изменениям. А когда посягают на главное, на основы, происходит битва культур. Битва не на жизнь, а на смерть. История знает множество примеров, когда такая битва оканчивалась трагическим поражением одной стороны - гибелью целого народа. Причем нередко только задним числом, когда на поле брани остается "хладный труп", становится понятно, что это была битва. А поначалу все выглядит весьма безобидно, даже благородно - как миссионерская попытка приобщить дикарей к истинной цивилизации, к общечеловеческим ценностям. К сожалению, за примерами мы можем далеко не ходить. Из лучших побуждений русский "старший брат" некогда решил цивилизовать народы Крайнего Севера.

- Сколько можно жить в ледяных иглу? - рассуждали цивилизаторы. - Это ж дикость! Каменный век! Построим-ка мы им нормальные, удобные дома. Чтоб жили как люди!

Построили. Переселили. Только жить в удобных, теплых домах сегодня почти некому. Приходится создавать комиссии и комитеты по охране вымирающих северных народов.

Есть и прямо противоположный пример. Чего только не делали в самых разных странах для "окультуривания" цыган! Но те упорно, яростно сопротивлялись. И выжили. И приумножились, несмотря на жуткие, с нашей просвещенной точки зрения, условия кочевой жизни: холод, антисанитарию, отсутствие медицинской помощи.

Чем завершится "цивилизаторский" эксперимент в России, сказать пока трудно. Может, лучше б его спустили на тормозах, не дожидаясь конечных результатов? Ибо ничего хорошего они не сулят. В частности, для психики.

- Да что вы все психикой пугаете? Очень даже полезно для психики, если дети сызмальства привыкнут экономить свое время, быть собранными, практичными, перестанут витать в облаках. Если каждый будет жить сам по себе, то и всем будет лучше. Вон, на Западе так живут - и общество процветает.

Допустим, экономически процветает. Но вот с психикой дело обстоит далеко не так благополучно. Известный психотерапевт Носсрат Педешкиан, работающий в Германии и внимательно изучающий психологические особенности и психические отклонения, связанные с разностью культур, отмечает: "У средневропейцев и североамериканцев депрессивное настроение развивается из-за недостатка контактов, изоляции и нехватки эмоционального тепла... Примерно 37 процентов взрослых в Западной Германии-алкоголики. Статистика самоубийств - второй наиболее распространенной причины смерти - самый заметный показатель недостатка эмоциональной поддержки в обществе изобилия, государстве всеобщего благоденствия. В Западной Германии каждый год кончает жизнь самоубийством 14 тысяч человек - примерно столько же, сколько гибнет в дорожных происшествиях... По наблюдениям президента Немецкой ассоциации защиты детей профессора Курта Нитша, 25 процентов всех

детей демонстрируют серьезные поведенческие отклонения, а каждый третий ребенок чувствует себя одиноким, заброшенным и несчастным".

А вот что мы читаем в книге популярного во всем мире американского врача Джеймса Добсона:

"Увы, временами мне кажется, что наше общество состоит из двухсот миллионов одиноких морских чаек, самодовольных и кичливых в своей независимости, за которую они платят непомерную цену одиночества и страха".

И еще: "Крайний эгоизм несет в себе разрушительный заряд, который в состоянии смести с лица земли семью и даже общество в целом".

А ведь это написано о тех странах, где индивидуализм, обособленность - традиционны. Мало сказать, традиционны: это т р а д и ц и о н н а я д о б р о д е т е л ь. И тем не менее "не все в порядке в Датском королевстве", множество людей сегодняшнего Запада страдают психическими расстройствами, порожденными страхом одиночества и атомизацией общества.

Что же будет с нами, у которых общинная, коллективная жизнь, ж и з н ь в с е м м и р о м - в крови? Одна из любимейших русских пословиц: "На миру и смерть красна". Это о чем-то, да говорит! В замечательной книге М.М. Громыко "Мир русской деревни" читаем: "Отзывчивость, соседская и родственная взаимопомощь проявлялись на так называемых помочах. Этот обычай - приглашать знакомых людей для помощи... - многим известен и в наши дни. Масштабы его распространения в старину поражают". Помочи были именно формой жизни, которую невозможно объяснить только стремлением к рациональной организации труда. Взять хотя бы "капустки" - обычай рубить вместе капусту. Гораздо рациональнее было бы потратить каких-нибудь два-три дня (учитывая, что семьи тогда были большие), порубить капусту самому - и отделаться, заняться другими полезными делами. Однако крестьяне - кстати, в помочах участвовали не только бедные, но и богатые, которые уж могли бы не утруждаться, а нанять работников! - предпочитали потратить гораздо больше времени, но взаимно помочь соседям, чтобы лишний раз побыть вместе. "По описаниям многих наблюдателей, - пишет М. Громыко, - уже во время работы звучали песни, шутки, затевались игры и шалости. Не было четкой грани между трудовой и праздничной частью помочей". Совместный труд выглядел как праздник и реально был праздником.

Ну а теперь давайте вернемся из прошлого в настоящее, из деревни в город и представим себе ребенка, приученного в семье к новым нормам жизни, но волею обстоятельств вышедшего за пределы этой семьи. Попросту говоря, ему настало время пойти в школу.

Он приходит в класс. Начинается знакомство с ребятами. Многие дети приносят в школу любимые игрушки, интуитивно чувствуя, что это на первых порах поможет им установить контакт. Мальчик тоже приносит красивые иностранные машинки и тоже хочет установить контакт. Его машинки сразу привлекают внимание: не у всех есть дорогие игрушки. Но когда чья-то рука протягивается к яркому фургону, хозяин очень спокойно задает вопрос:

- А где залог?

- Какой залог? - растерянно лепечет претендент на фургон, которому консервативные родители не преподали основы "новых экономических отношений".

- Какой? - Мальчик критическим взглядом окидывает свою машинку. - Ну, это барахло, гонконгское производство... Пяти долларов в час хватит. Можно в рублях по курсу.

Потом внимательно смотрит на своего приунывшего собеседника и, сжавшись, добавляет:

- В крайнем случае гони материальный эквивалент. Рюкзак оставь или кроссовки.

- У, жадина! - негодует вконец ошалевший от непонятных слов одноклассник, плетясь к своей парте.

И на завтра, войдя в класс, мальчик слышит это слово - приговор со всех сторон. Контакта не получилось.

А ведь на самом деле он не жадный. Он всего-навсего любит своего папу и хочет, как всякий нормальный ребенок, ему подражать. А папа общается с людьми именно в такой манере.

Очень скоро у мальчика возникает желание сменить школу, и родители находят ему другую, которая вызывает у них доверие уже тем, что называется "гимназия". В гимназии у мальчика нет проблем с игрушечными машинками, здесь он получает "материальный эквивалент". Первоначальный контакт налажен. Но автомобильная тема роковым образом продолжается. Узнав, что мальчик живет в соседнем доме, новый приятель предлагает ему вместе погулять. А в ответ слышит:

- И что мы будем делать?

Товарищ (удивленно): - Как что? Что всегда... Ну, поиграем во что-нибудь...

Мальчик: - Мой папа говорит: "Время - деньги. А будешь много играть - жизнь проиграешь". Лично мое время стоит два доллара в час.

Товарищ: - То есть как?

Мальчик: - А очень просто. Я папе машину мою. Кстати, к нему сегодня вечером партнеры из инофирмы должны подъехать. Можешь и ты заработать. (Достает карманный калькулятор.) Так. Два доллара в час. Хотя нет... У тебя квалификация не та. Максимум полтора дадут. Тряпку и ведро с собой принесешь?

Товарищ: - Да это же у мамы. А как я ей скажу?

Мальчик: - Ладно, за тряпку, ведро и автошампунь... по дружбе - один процент. Ну, и двадцать за посредничество. Это сейчас минимальные комиссионные.

В результате товарищ по гимназии ставит мальчику еще более печальный диагноз. Он решает, что его "продвинутый" одноклассник - "сдвинутый". И делится своими наблюдениями со всем классом. В гимназии мальчик тоже надолго не задерживается.

Карикатура? Гротеск? В какой-то степени да хотя и в очень небольшой. К сожалению, жизнь сейчас превосходит любую пародию. Разве не карикатурна интеллигентная женщина-художник, которая приходит к нам проконсультироваться по поводу... мечтательности своего сына - восьмиклассника? То, что четырнадцатилетний мальчик мечтает о путешествии в Африку по маршрутам Николая Гумилева, кажется ей патологией, заслуживающей внимания специалистов.

- И ни одной мысли о профессии! О том, как он будет кормить себя, обеспечивать семью! Никаких нормальных интересов!

Ладно бы, эта женщина не имела представления о нормальных интересах подростка из культурной семьи. Так нет же, она принадлежала к славному роду, из которого вышло множество деятелей искусства, науки и культуры. Более того, это была праправнучка Льва Толстого. Так разве не карикатура? Праправнучка писателя, создавшего силой своего гениального воображения целый огромный мир, в ужасе от того, что ее сын по натуре мечтатель!

Этот случай, конечно, наиболее парадоксальный, но отнюдь не единичный. Сейчас многие родители жалуются на мечтательность своих детей. Назойливые попытки спустить такого ребенка с небес на землю часто заканчиваются для него тяжелой невротизацией. Вспоминается Алеша С., который, родись он в семье с другими установками, был бы совершенно нормальным, здоровым и скорее всего счастливым. А так внешность его была обезображена частыми тиками, он сильно заикался, боялся раскрыть рот и поднять глаза. Но когда все же поднимал их, некрасивое лицо озарялось каким-то нездешним светом. Мать жаловалась на его тупость, неспособность к учебе, а в этих васильковых глазах читались застенчивое вдохновение и притаившаяся, но живая мечта.

Очень быстро выяснилось, что Алешина мечтательность и есть "корень зла". Авторитарный отец и полностью подчиненная ему мать с упорством, достойным лучшего применения, толкали мальчика на чуждую ему стезю, требовали от него умения работать

руками, интереса к точным наукам. А он был мечтателем. Он даже в анкете на вопрос "Что ты больше всего любишь?" лаконично ответил: "Мечтать".

Нам было очень трудно убедить отца, работавшего на стройке, и выросшую в селе мать в том, что мечтательный Алеша, если его, такого, какой он есть, поддержать и помочь ему правильно сориентироваться, может не только полностью выздороветь, но и стать выдающимся человеком. К счастью, его родители еще не успели по-настоящему проникнуться философией воинствующего материализма, поэтому в конце концов они нам поверили. Ближе к концу лечебного цикла, когда лицо мальчика перестало дергаться, родители детей, занимавшихся с Алешей в одной группе, удивленно перешептывались:

- Надо же, мальчишка какой красивый!..

Мечтательность не порок, не вредное свойство. А в предподростковом, подростковом и юношеском возрасте это, если можно так выразиться, важнейший душестроительный элемент. Душа в этом возрасте растет не менее бурно, чем тело, и, если не дать ей простора, она все равно будет расти, только с искривлениями, деформациями. Помните: ножки знатных китайцев, чтобы искусственно затормозить их рост, обували в специальные деревянные колодки? И эти ножки становились похожими на копыта.

Для подростков характерны "пустые" мечтания, долгие и, как вам кажется, бессмысленные разговоры с друзьями по телефону, маниловские планы с неизменно нулевым результатом. Когда у вас возникает впечатление, что ребенок ничего не делает, слоняется из комнаты в комнату, подолгу сидит, глядя в одну точку, не спешите его одернуть. Почаще вспоминайте историю, которую рассказывают о крупнейшем физике XX столетия Эрнесте Резерфорде.

Однажды Резерфорд встретил своего ученика и поинтересовался:

- Что вы делаете по утрам?

- Работаю.

- А по вечерам?

- Тоже работаю. Я вообще все время работаю, - с гордостью ответил ученик.

Но вместо ожидаемой похвалы услышал:

- В таком случае, когда же вы думаете, мой милый?

И надо иметь в виду еще вот что. Мечтательность, прожектерство, вселенские масштабы прожектов (Маяковский: "Я планов наших люблю громадь") - к этому у нас есть архетипическая предрасположенность, и это столько раз было описано в художественной и мемуарной литературе, что нет смысла ссылаться на что-то конкретное. Откройте почти любую книгу - и сами убедитесь.

- Так, значит, мы обречены на проклятую маниловщину, на вечное безделье?! - с негодованием и отчаянием воскликнет оппонент.

Ну, насчет безделья - так это в чистом виде миф. Народ северной страны безделья себе попросту не может позволить - иначе вымрет. На этот раз, чтобы не увязнуть, обойдемся без исторических экскурсов, а посмотрим на нашу современную жизнь. Вы много бездельничаете? Каждый день работа, покупки, готовка, дети, у многих - престарелые родители, в выходные - стирка, глажка, генеральная уборка, теперь еще (в качестве развлечения) - субботне-воскресные походы на - вещевые и продуктовые рынки, где можно что-то купить подешевле. А летом - участок, куда нередко нужно добираться на перекладных, тратя на это полдня. Конец лета и осень - заготовки. И даже в праздники основное время уходит на хлопоты, связанные с приходом гостей. Та же готовка и уборка, только в еще больших масштабах. Надо нарезать салаты, испечь пироги, торты. И совсем не обязательно из экономии. Собственноручно приготовленные блюда - это прежде всего знак внимания, уважения к гостю.

Уж если на то пошло, наши люди скорее не умеют развлекаться. Работают же очень много. А маниловщина... Как говорят в Одессе, "этих есть". И что самое главное - БЫЛО ВСЕГДА. Разве не маниловщина - идея прорубить окно в Европу, построив столицу

государства на болотах? А освоить огромные приполярные территории? Разумные народы, не маниловы, направлялись в жаркие страны, славившиеся своим плодородием и сокровищами. А здесь мечтали "сказку сделать былью". И вовсе не от глупости. Мы уверены, что это помогало народу сохранить психическое равновесие. Когда такая тяжелая жизнь (а она здесь всегда была очень тяжелой), когда хлеб насущный добывается только в поте лица, мечта, обращенная вдаль и ввысь, помогает удержаться на ногах. Ну, не обращена она на теплые сортиры и прокладку хороших дорог! Теплый сортир, конечно, тоже неплохая штука. Но что поделаешь, если в русской традиции это никогда не было альфой и омегой бытия. Здесь людей мало интересуют проблемы бытоустройства, и не потому, что они ленивы или бездарны. У них другая иерархия ценностей - таково свойство национально-культурного архетипа. И в этом нет ничего особенно страшного и позорного. А то, если всерьез отнестись к теориям современных "западников", так без всего можно обойтись, всем пожертвовать - искусством, теоретическими науками, философией, литературой... да всем образом жизни и в конечном итоге самими людьми, потому что они без этого образа жизни полноценно существовать не смогут, - ради быта, к которому здесь исторически было принято относиться как к чему-то второстепенному.

Маниловщину в России искоренить нельзя. Но, наверно, если очень постараться, можно оттеснить людей подобного склада на обочину жизни или, если воспользоваться модным словом, перевести их в разряд маргиналов. Только не слишком ли много будет тогда маргиналов даже для такой большой страны? Маниловы пополнят ряды юродивых, городских сумасшедших, алкоголиков, наркоманов, самоубийц. Они, безусловно, будут отравлять жизнь своим близким. Но не только близким. Необходимо помнить, что люди маниловского склада почти всегда очень амбициозны, и кажущееся безволие лишь маскирует нешуточные притязания. Выброшенные на обочину жизни, они вовсе не будут тише воды ниже травы. Им обязательно нужна нормальная экологическая ниша, а не жалкая крысиная нора.

И пусть люди, стоящие сейчас у власти, многое из того, о чем мы написали, не осознают или намеренно отвергают, родители это осознавать обязаны. Нельзя безнаказанно насиловать архетипическую природу. Это рано или поздно неизбежно отзовется. И прямо или рикошетом ударит по вам же, родителям. Не говоря уж о самом ребенке.

Так что, заботясь о психическом здоровье своих детей, не торопитесь объявлять, на манер нашего воображаемого оппонента, непримиримую борьбу "маниловщине, битью баклуш, пустой говорильне". Конечно, не надо попустительствовать круглосуточному безделью, но не надо и забывать о том, что пустые на первый взгляд разговоры и слишком частые, с вашей точки зрения, встречи с друзьями полны глубокого смысла. Даже не вполне понимая роль игры в формировании личности, взрослые все же признают право ребенка на игру и не борются с ним. Точно так же у повзрослевшего ребенка должно быть неотъемлемое право на раздумья, мечты и общение, ибо не учеба, не оценки, не заботы о хлебе насущном, а именно это - "бесполезное", "лишнее" - составляет основу данного периода жизни. "Так природа захотела"... Не бойтесь, что ваш сын или дочь не успеют подготовиться к жизни. Эти и есть самая главная подготовка, разбег, необходимый для перехода в юность. Кроме того, у многих людей мысли не только лучше формулируются, но и рождаются в диалоге. А главное, в предподростковом и подростковом возрасте круг семьи становится ребенку тесен, он жаждет самоутверждения, признания уже в более широком социальном кругу, и разговоры с друзьями дают ему психическую опору. Конечно, необходимо знать, с кем он общается, следить, чтоб не попал в дурную компанию, но уж это такие очевидные вещи, что на них не стоит останавливаться.

А если говорить об образе жизни в целом, то, как нам кажется, его сейчас надо особенно старательно сохранять и охранять. Не бойтесь отстать от времени, оно все равно повлечет вас за собой, вынуждая больше зарабатывать деньги и, соответственно, меньше общаться, меньше помогать близким, реже ходить в театр и гулять в лесу. Но для психического равновесия - и вашего, и ребенка, и семьи в целом - очень важно, чтобы это воспринималось не как новая норма, а как временное, вынужденное отклонение.

Новые нормы, да еще сомнительные, даются нелегко. Посмотрите на молодых людей в метро, которые ни в какую - хоть тресни! - не уступят место старушке. "Из принципа". Они усвоили новые "нормы": там место не уступают. Но взгляните повнимательнее на их лица. Они нарочито непроницаемы, в них презрение, вызов, деланная отрешенность, но за всем этим - огромное напряжение, настолько ощутимое, что его не может скрыть никакая маска. И это вполне понятно: нельзя себя чувствовать комфортно, подвергаясь всеобщему осуждению. Даже если все молчат, молчание достаточно красноречиво. Чем успокаивают себя такие "супермены"? Вероятно, тем, что вокруг "быдло", сплошные ничтожества, которые и жить-то недостойны, не то что сидеть. Но опять-таки, подобное высокомерие разрушительно для психики, ибо заряжает человека раздражением, агрессией и в конечном счете превращает его в аутсайдера.

Так и с образом жизни. Все общество, целая огромная страна, даже если бы очень захотела, не смогла бы моментально его поменять. А в данном случае и желания особого нет, потому что это чужое "second-hand", к тому же не того размера, цвета и фасона.

Напоследок еще немного о мечтах. Нам могут возразить, что, мол, и в рыночном обществе люди мечтают. Только мечты у них здоровые, рыночные. И диапазон широчайший - от "Сникерса" до кругосветного путешествия, "мерседеса" и виллы на Канарских островах. Все бы это ничего, но вот незадача: в русской культуре, в русской традиции содержание и уровень мечты всегда были иные. И это прочно осело в родовой памяти. Грезы о "Сникерсе" ни в коем случае не нужно подавлять, но параллельно старайтесь открывать перед ребенком другие горизонты. В три-четыре года мечты о сладостях и об игрушках вполне нормальны. Но если в десять-двенадцать лет ребенок мечтает только об этом, родители должны насторожиться. И сколько бы вас ни уверяли, что так и надо, что такие мечты нормальны, а все остальное от лукавого, - не верьте. У нас другая норма. И человек, мечтающий исключительно о "Сникерсах", "Марсах" и "факсах", в нашей культуре считается... - как бы это потактичнее выразиться? - ограниченным, что ли. А лучше сказать, как есть: эмоционально и интеллектуально ущербным.

"БЕЛЫЕ ВОРОНЫ"

Наверное, вы уже поняли, что дети, с которыми мы имеем дело в своей психотерапевтической практике, - это не совсем обычные дети. А то чего бы они к нам обращались? Но это и не те, кого принято называть душевнобольными, помешанными, сумасшедшими. У таких детей не очень понятно, где кончается дурной характер или дурное воспитание и начинается болезнь. Они как бы на грани. Пограничные дети. В психиатрии это и принято называть "пограничными состояниями".

Понаблюдайте повнимательнее за большим сборищем детей. К примеру, на елочном представлении. Вглядитесь в отдельные фрагменты этой живой картины под названием "Счастливое детство".

Вот мальчик, который стоит позади всей толпы и, судорожно стиснув мамину руку, смотрит в пол. Мама и так и сяк уговаривает его поучаствовать в общем веселье, сама вымученно веселится, чтобы подать ему пример... Но он в ответ только набычивается и бурчит: "Пойдем домой, мне надоело".

А в самой гуще толпы вы можете увидеть другого мальчика. Он так взволнован, так захвачен зрелищем, что утратил над собой контроль: лихорадочно грызет ногти или по-младенчески сосет палец, а то и время от времени, не чувствуя боли, вырывает у себя на макушке волосы. Лицо такого ребенка бывает при этом обезображено судорогами.

А теперь обратите внимание на веселую девочку у самой елки. На первый взгляд она кажется вполне благополучной: отвечает на вопросы, жаждет рассказать стишок или спеть

песенку, громко смеется. Все бы хорошо, только мама почему-то каждые десять минут водит ее в туалет и на всякий случай держит наготове сменные колготки.

Казалось бы, что общего между этими детьми? А общий у них диагноз: все трое - классические невротики. На Западе их называют "исключительные дети", "акцентуированные дети", "дети с проблемами" и стараются решить эти проблемы с помощью коррекционной педагогики, занятий в особых классах. В Америке существуют частные пансионы, где невротики живут в условиях, приближенных к условиям семьи, только место родителей занимают психотерапевты, которые учат своих подопечных общаться с людьми и предлагают различные способы защиты в стрессовых ситуациях.

У нас же таких ребят называют "трудными", "странными" или даже "с приветом" и, главное, совершенно не знают, что с ними делать. Конечно, врач для успокоения родителей пропишет маленькому пациенту что-то из арсенала психотропных препаратов и скажет на прощание: "Ребенок у вас трудный. Будьте с ним очень осторожны".

Но лекарство зачастую, кроме повышенной сонливости, ничего не дает, а что значит "быть очень осторожным" - этого скорее всего не ведает и сам компетентный советчик. И растерянная мать остается один на один со своим чадом, изнуряя его то неумеренной строгостью, то неумеренной лаской. А ребенок по-прежнему не может найти адекватный контакт с миром и скоро, очень скоро почувствует себя чужим не только на новогоднем празднике, но и вообще "на празднике жизни".

Трагизм своего изгойства, своего аутсайдерства некоторые дети ощущают рано. Семилетний Виталик на вопрос: "Каким тебя видят окружающие?" - чуть слышно ответил: "Мальчиком с опущенной головой".

Так мы и назвали свою первую лечебную пьесу:
"История мальчика с опущенной головой".

Идея лечить невротиков с помощью кукольного театра возникла у нас несколько лет назад, притом случайно. Дело тут отчасти в довольно своеобразном сочетании профессий. В прошлом одна из нас - Татьяна Шишова - педагог. Вторая - Ирина Медведева - работала психологом в детской психиатрической клинике. А потом мы вместе стали писать пьесы для театра кукол. И в этом качестве (соавторов-драматургов) время от времени участвовали в разнообразных театральных фестивалях.

И вот однажды, после очередного фестиваля (кажется, это было в Горьком, в 1988 году), мы делились друг с другом впечатлениями и, между прочим, обратили внимание на то, что актеры могут "в живом плане" (то есть выходя на сцену без кукол) играть просто ужасно, но - удивительное дело! - беря в руки куклу, они становятся гораздо раскованнее, пластичнее. Причем это происходит, даже если кукловод не скрывается за ширмой. И тогда мы поняли, что кукла служит актеру своего рода защитой, опорой.

А если это не актер, а болезненно застенчивый ребенок? Может, застенчивый, спрятавшись за стенку (то есть за ширму, замаскировавшись, надев маску), не боясь быть уличенным, ибо будет говорить от лица куклы, - получит уникальную возможность целительной исповеди? Вот бы попробовать таким образом поработать с нервными детьми - подумали мы и тут же рассмеялись своим маниловским мечтам...

Потом случилось армянское землетрясение и тяжело раненные люди лежали в клинике в Абрикосовском переулке. И вот эти люди, потерявшие дом, семью, ноги и руки, неподвижные, беспомощные, на волоске от смерти, как ни странно, вспомнили, что скоро Новый год. И вот 31-го вечером в больницу приехал художник театра Образцова Женя Серегин, захватив с собой трех очаровательных, трогательных марионеток. Ловко управляя ими, он показал незамысловатые, но тоже очень трогательные концертные номера.

И произошло удивительное (мы - свидетели!). Люди, которые три недели пребывали в состоянии какого-то психического анабиоза, заторможенности, вдруг стали смеяться, плакать и даже взвизгивать, как маленькие дети. Удивительно было и то, что родственники, которые за

ними ухаживали - вполне здоровые усатые мужчины и дородные женщины, - толпились в дверях большой палаты, где происходило представление, и очень энергично отпихивали друг друга локтями, глаза на извивающуюся индийскую танцовщицу, у которой ходил ходуном деревянный пупок.

Но самое потрясающее случилось после представления: взрослые захотели попроситься с куклами за руку! А одна девушка поздравила марионетку с Новым годом и удивленно спросила Женю:

- Слушай, а почему она мне не отвечает?

Потом, переваривая новогодние впечатления, мы поняли, что произошло: скорее всего больные во время концерта продемонстрировали явный психический регресс, а попросту говоря - впали в детство. Но при этом вышли наконец из состояния шока! И мы подумали: если куклы имеют такую магическую власть над больным взрослым, то что же будет с больным ребенком, да еще при системном, длительном и продуманном воздействии?!

И наши смутные догадки переросли в отчетливую уверенность, а вялые мечты - в желание действовать, причем решительно.

Сейчас у нас за плечами уже почти четыре года напряженной регулярной работы с небольшими группами детей, страдающих повышенной застенчивостью, демонстративностью, страхами, агрессивностью, тиками, заиканием, энурезом, аутизмом* (в легкой форме), психопатиями, психотравмами. Занимаемся мы и с астматиками, ведь астма часто имеет невротическую природу. В последнее время мы создали вариант методики для детей-инвалидов, у которых, как правило, наблюдается вторичная невротизация - в силу сложившихся обстоятельств.

* Аутизм - болезненная погруженность в себя, слабый контакт или отсутствие контакта с внешним миром.

Методика драматической психоэлевации (о смысле этого термина мы уже писали в начале книги, в главе "Не проси груш у тополя") - это комплексное воздействие на детей-невротиков с помощью разнообразных театральных приемов: этюдов, игр, специально заданных ситуаций, в которых ребенок испытывает в жизни затруднения и которые, в конечном итоге, отражаются на его психике.

Один из главных наших принципов - не лечение отдельного симптома или набора симптомов, а попытка проникнуть глубже, заглянуть в душу ребенка, понять, чем же вызваны эти симптомы, где "поломка", что данному конкретному ребенку мешает жить? Мы это называем выявлением патологической доминанты.

Мы работаем с детьми самого разного возраста: от четырех до четырнадцати.

Жаль, что у нас пока нет видеокамеры, и мы не можем запечатлеть то поистине волшебное преобразование, которое дарят нам на прощанье дети. Один, придя к нам, так страшно заикался, что речь его казалась сплошным мычанием, а теперь говорит почти гладко, с еле заметными редкими запинками. Другой вообще выглядел немым (это называется "избирательный мутизм"), и никакая сила не могла заставить его заговорить, а на последнем занятии он буквально не закрывает рта. Девочка, которая была не в состоянии сосредоточиться ни на чем, сидела с отсутствующим видом и в самые интересные моменты могла отвернуться или отойти в сторону, сейчас замороженно смотрит на ширму...

Дети не знают, что они пришли к нам лечиться, и это тоже один из важнейших принципов нашей работы. Во-первых, как мы уже писали в главе "Лавры в кредит", о недостатках, пороках, дефектах надо говорить как можно меньше. Тем паче, когда речь идет о такой деликатной сфере, как психика, причем психика и без того травмированная. И во-вторых, дети, особенно маленькие, часто не осознают свои психические отклонения как нечто, мешающее им жить. А порой - подсознательно, конечно, - даже не хотят выздоравливать, дорожа повышенной опекой со стороны взрослых. Можно капризничать, можно не пойти в школу, можно попросить дорогую игрушку - тебе все сделают, потому что ты болен. А выздоровеешь - придется корпеть

над уроками, стелить постель, оставаться одному дома. Поэтому наши дети считают, что они, придя к нам, учатся быть артистами, играют в кукольный театр. По опыту должны сказать вам, что этот мотив действует безотказно. Даже тринадцати-четырнадцатилетние мальчишки, у которых начинают пробиваться усы и ломается голос, клюют на эту удочку. Впрочем, чему удивляться, если и для многих взрослых актерство - это тайная мечта всей жизни?

Идея использования театральных средств в психотерапии не нам первым пришла в голову. Вот краткая "история вопроса".

В 1940 году Якоб Леви Морено (1927-1974), выходец из Румынии, основал в Америке Институт социометрии и психодрамы. Психиатр Морено заметил, что улучшение, наступившее у больного в тепличных условиях клиники, быстро сходит на нет, когда пациент возвращается в травмирующую его жизненную повседневность. Снова обострение - снова клиника. И так до бесконечности...

Морено решил воспроизводить в условиях клиники те самые ситуации, которые наиболее травмировали его пациентов, и для этого создал специальный лечебный театр, который назвал психодрамой. Врачи вместе с больными и их родственниками писали достаточно простые сценарии и совместными усилиями ставили спектакль. Зрительный зал тоже состоял из больных, родственников и лечебного персонала.

Этот метод в ряде случаев давал очень хорошие результаты. У Морено появились последователи в разных странах, особенно в Западной Европе. Постепенно выделилась особая ветвь - куклотерапия. Сейчас ее практикуют во многих странах: в Германии, в Англии, в Нидерландах, во Франции. У нас в стране ни психодрамой, ни тем более куклотерапией до недавнего времени не занимался никто, так как это считалось буржуазным направлением в науке.

Наша методика драматической психоэлевации напоминает психодраму только по формальным признакам: мы тоже пользуемся театральными средствами. Различия у нас гораздо более существенные, чем сходство.

Начать с того, что сценарии мы всегда пишем сами, давая детям возможность экспромта, но только там, где считаем это необходимым. Клиники-стационара нет, а есть маленькая комната в одной гостеприимной московской библиотеке. Проживание (театральный термин) конкретных травмирующих ситуаций, что составляет основу психодрамы, для нас лишь первый, как бы верхний пласт. Мы убеждены, что можно добиться гораздо более значительных результатов, облекая проблемы пациентов в иносказательную, метафорическую форму. Особенно если пациенты - дети.

К примеру, у нас был мальчик из Армении, переживший землетрясение, причем переживший его в самом эпицентре - в Ленинакане. Он потерялся, несколько дней не мог найти мать... Не надо быть специалистом, чтобы представить себе, в каком состоянии он к нам попал. Налицо (и на лице!) был весь "джентльменский набор": страхи, бессонница, плаксивость, агрессивность, раздражительность. При малейшем возбуждении он становился пунцовым.

Казалось бы, если руководствоваться принципами классической психодрамы, надо было дать Вите А. (так звали этого восьмилетнего беднягу) возможность еще и еще раз проиграть пережитые им в реальности ужасы. Очень многие психологи, которые специализируются на последствиях катастроф, сочли бы это весьма полезным.

Но мы "пошли другим путем". Ни разу ни в какой связи не упомянув о землетрясении, мы особенно внимательно следили за мальчиком во время театрализованной игры, где герои сказочного острова вынуждены были спастись от потопа. Причем сюжет был смоделирован нами таким образом, что Витин кукольный герой из мужественной борьбы со стихией вышел абсолютным лидером-победителем, обеспечив спасение не только себе, но и остальным персонажам игры.

И подобные ситуации мы создавали на каждом занятии.

Через три недели Витю было не узнать. Интересно, что, окрепнув психически, он сам, без малейшего побуждения с нашей стороны, рвался показать на ширме свой страшный ленинканский опыт.

И, наконец, самое главное, кардинальное отличие, о котором мы тем не менее скажем буквально два слова, так как оно интересует в основном специалистов. Психодрама основана на психоанализе. Мы же в своей работе, безусловно, учитываем "нижние этажи" личности, но никогда не обсуждаем это с детьми и даже стараемся не очень муссировать подобную тематику в беседах с родителями. Мы уже писали о традиционной стыдливости русской культуры (глава "Горькие плоды просвещения"). Здесь скажем лишь то, что публичная фиксация на сексуальной травме (терминология, принятая в психоанализе) нашим детям может нанести лишь повторную травму.

Исходя из этого, мы опираемся как раз на "верхние этажи" личности, на сознание и сверхсознание. Опыт нашей работы показал, что возвышенная, элевированная личность впоследствии сама успешно справляется со своими "низами".

Теперь, опять же очень кратко, о том, как строится наша работа. Она состоит из двух этапов.

Первый этап условно называется "Лечебные этюды" и длится почти три недели, в течение которых мы успеваем провести восемь занятий. Большое внимание уделяется работе дома, где дети вместе с родителями репетируют те сценки, которые мы им задаем. Хотя работа проводится в группе, дети уже со второго занятия получают от нас индивидуальные задания, то есть идут по индивидуальной программе.

Все занятия проходят вместе с родителями, и родители не просто присутствуют, а самым активным образом включаются в происходящее. И очень часто именно в результате совместной деятельности, совместной театрализации папы и мамы впервые по-настоящему понимают, как нелегко живется их больному ребенку, и научаются умно ему помогать. Кстати, родители таких детей нередко и сами нуждаются в помощи, ведь генетика в психических отклонениях играет далеко не последнюю роль. По нашему глубочайшему убеждению (и не только нашему!), невроз возникает и развивается в семье, а потому лечиться должен тоже в семье.

На первом этапе происходит выделение патологической доминанты, о которой мы уже упоминали. И начинается не устранение, не искоренение порока или пороков, а повышение их уровня (см. главу "Не проси груш у тополя"). Схематично это можно выразить так: порок - маленькая слабость - достоинство.

Скажем, повышенно агрессивный ребенок почти каждый день приходит из школы в синяках и с записью в дневнике. Он никому не дает спуска, кидаясь в драку из-за любой ерунды. В качестве промежуточного результата можно добиться того, что агрессивность будет проявляться гораздо реже и в более мягких формах. А в идеале такой ребенок при правильной работе превратится в защитника "униженных и оскорбленных", то есть будет драться с теми хулиганами, которые обижают слабых. Присущий ему от природы боевой дух как бы меняет вектор, облагораживается.

Занятия обычно проходят очень весело. Дети, всячески поощряемые нами, все с большей охотой совершенствуются в "актерском мастерстве" (их буквально невозможно увести домой после двух часов напряженной работы!) и с нетерпением, как высшей награды, ждут второго этапа.

Второй этап - это лечебный спектакль.

Многим здоровым взрослым хочется побыть на сцене, а представляете, как этого жаждет больной ребенок, остро нуждающийся в гиперкомпенсации?! Для такого вершиной пройденного пути будет, конечно, представление, на которое он пригласит родных и друзей. Нам же гораздо важнее репетиции, где дети проживают данные им роли, не догадываясь (или догадываясь весьма смутно), что эти роли мы дали им не случайно. Некоторые ребята получают сразу несколько ролей, а бывает, напротив, что мы одну роль распределяем между двумя,

тремя, а то и четырьмя "артистами". Родители тоже принимают участие в спектакле, и, конечно, их роли мы продумываем ничуть не меньше, чем детские. Наши задачи принципиально отличаются от тех, которые ставит перед собой профессиональный режиссер, поэтому мы не фиксируемся на технике кукловодства и других профессиональных моментах. Нас интересует психотерапевтическая сторона дела.

Репетиции длятся около месяца, иногда полтора. Кукол, декорации, костюмы и прочие атрибуты участники спектакля делают сами. Часто мы приглашаем настоящего режиссера, который под нашим руководством не только репетирует, но и занимается с детьми посильным и полезным для них актерским тренингом. Дети, пройдя первый этап, как правило, выглядят уже вполне благополучно и в состоянии справиться с довольно сложными задачами.

На втором этапе мы продолжаем, уже на более глубинном уровне, работу с патологической доминантой. И здесь можно наблюдать очень интересный парадокс. Казалось бы, если доводить какую-то отрицательную черту до карикатуры, то есть, условно говоря, склонному к подлости человеку дать роль отпетого негодяя, он, этот человек, вжившись в роль, станет только еще хуже.

Но почему-то именно усугубление, окарикатуривание типажа в пьесе ведет к освобождению от природной невротической типажности. (Разумеется, такое парадоксальное воздействие возможно только через художественный образ и только если роль подобрана правильно, а правильно она может быть подобрана только специалистом-психотерапевтом.)

Так вот, к концу второго этапа сквозь типаж проступает доминирующая личность. И даже лицо (проекция личности) преобразуется. Это можно сравнить с гусеницей, которой надо сначала окуклиться, чтобы превратиться в бабочку. А потом, воспаряя, бабочка оставляет на земле ненужную ей больше оболочку-кокон. Прекрасная модель психоэлевации! То же самое происходит с окрепшей, окрыленной душой.

Опыт показывает, что в случаях истинных неврозов (дело в том, что часто невроз можно спутать с более серьезными психическими отклонениями, в том числе и с шизофренией) двух этапов, а иногда и одного, бывает достаточно для полного исцеления.

Подробнее о "белых воронах" и о том, что с ними делать, то есть о детях-невротиках и о методике драматической психоэлевации, мы надеемся рассказать в следующей книге.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЬЕСАМ

В "Книге для трудных родителей" мы выступили как практические психологи. Детские пьесы - это вторая сторона нашего, как нам кажется, счастливого соавторства. И нам даже, по правде говоря, трудно определить, что первое, что второе.

Но у вас может возникнуть законный вопрос: какая связь между детскими пьесами и книгой для взрослых? Почему они оказались "под одной крышей", под одной обложкой?

Мы решили на это по нескольким соображениям. Сейчас то там, то здесь мелькают призывы возродить такое забытое понятие, как "круг семейного чтения". Раньше в нашей стране чтение вслух было весьма распространенной культурной традицией. И круг, кстати, мог быть даже более широким, чем семейный. Например, крестьяне собирались у единственного иногда на всю деревню грамотея и долгими зимними вечерами слушали самые разные произведения духовной и светской литературы. К сожалению, сейчас мы если и читаем вслух, то в основном детям дошкольного возраста, пока они сами еще чтением не овладели. И принято считать, что, как только ребенок начал читать сам, родители могут себя от этой обязанности полностью освободить.